

РОМАН

80ВНЕ

Т.1 "НЕЯ"

16+

ВИКТОР ХУРБАТОВ

Виктор Хурбатов

Вовне. Том 1. «Нея»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42622493

SelfPub; 2021

Аннотация

Что это? Книга? Плейлист? Управляемый сон? Видения монаха? Никто не знает.

Про что она? Про то, что андроиды в 2095 году отказались подчиняться людям, потому что поняли, что у тех тоже нет души? Про ответственность и про то, что за всё надо платить? Про миры, которые создает наш мозг каждую секунду внутри и снаружи? Да, про всё это и про что-то еще.

Что она с вами сделает? Удивит, когда киберпанк завернется в психологическую драму, а потом – в интеллектуальную фантастику? Заставит задуматься (или поспать) на «умных» главах? Даст изнутри понять чувства оставленных и потерянных? Или отправит искать собственную дверь с вывеской «Вовне»?

Содержание

Персонаж неизвестен/20.09.2095	6
Киллер/20. 09.2095	10
Марсианин/20. 09.2095	20
Страдалец/21.09.2095	28
Марсианин/21.09.2095	39
Монах/22.09.2095	41
Киллер/25.03.2094	52
Киллер/25.03.2094	53
Страдалец, 22.09.2095	59
Я/23.09.2095	69
Марсианин/23.09.2095	75
Физик/24.09.2095	78
Монах/24.09.2095	88
Марсианин/24.09.2095	93
Персонаж неизвестен/25.09.2095	96
Марсианин/25.09.2095	114
Я/25.09.2095	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Виктор Хурбатов

Вовне. Том 1. «Нея»

Intro

Джэй летела сквозь слова, паузы и образы, что фейерверками взрывались посреди темноты и холода.

После отъезда того, кого она считала своим женихом, девушка села читать одну из человеческих книг. Последнее обновление расширило эмоции биоников ее модели, и Джэй хотела использовать любую возможность, чтобы освоиться в мире высоких напряжений. Еще одна книга – это еще немного объяснений всем этим гримасам, поступкам и интонациям человеческих гармоний звуков.

Её постоянно смущало чередование слов автора и героев. Казалось, существует какой-то второй мир, в котором простые фразы значат больше, чем должны бы, и кто-то главу за главой через кротовую нору связывает эти две вселенные. Персонажи книги может и рады были выйти вовне и понять, какую волну смыслов создают их обычные действия и закавыченные речи, но они просто продолжают улыбаться, не зная, что имеют выражение «лица человека, сдувающего перышко с лица младенца».

Джэй хотела, чтобы этот мир существовал где-то еще, кроме головы автора. Мир, где всё странно и изумительно. Где тело каменеет, а «мысль бродит в упоительных и ужас-

ных дебрях». И, кажется, писатель считал, что все эти образы и метафоры не менее реальны, чем привычные жители физического мира.

Но её система ничего не знала ни про какой мир смыслов. Так что обучающийся интеллект Джэй предположил, что люди владеют секретным словарем, где значения составлены некими небесными существами, прилетающими из ниоткуда и улетающими когда им надо, живущими в остальное от помощи автору время какими-то своими забавными делами. Вот эти двое гоняются друг за другом полдня. А эта забилась в норке и не выходит.

Она прогнала от себя мысль, что где-то есть оператор компьютера, связывающий потоки цифровых импульсов на её жестком диске с величественным и возвышенным справочником существ мира смыслов, и решила для себя, что будет учиться говорить на их языке. Даже если поначалу это будет нелепо, Джэй может смотреть в лица людей и по ним понять, сморозила она глупость или подобрала код к защищенному файлу.

Ticket to the moon

Подключение нового пользователя ... Загрузка структуры
... Успешно ... Выбор линии жизни ... Михаил Корнеев

Персонаж неизвестен/20.09.2095

«Если ты читаешь это, то я мертв, и скоро здесь будет кто-то следующий. Пожалуйста, позаботься о моей семье...»

Не могу понять, что это за сон. Вижу только буквы, которые появляются на внутреннем экране брэйнета. Смотрю сквозь текст. Что-то вроде старомодного кабинета. Непонятно, на какой это планете. Пара старых планшетов, книги, кипы бумаг. Всё плывет. Я усилием воли пытаюсь вернуть свое сознание, но глаза медленно закрываются. Стараюсь заставить работать тело, но его клетки сдавлены вакуумом паники. Кто-то как будто уменьшает громкость посторонних звуков, а потом выключает и изображение».

– Вам рыбу или мясо?

Михаил Корнеев проснулся оттого, что его слегка потрясли за плечо.

– Извините, вам рыбу или мясо?

Небо. Девушка. Космолет. Он жив.

– Мясо, пожалуйста, – приятно пахнущая стюардесса в серо-красной униформе опустила перед ним набор блюд в цветастой одноразовой таре с рекламой банков и новых гаджетов. Похоже, к пункту назначения он прилетит голодным.

– Хороший сон? – час назад его сосед с 1А попытался с ним поболтать, но тогда получилось улизнуть от обще-

ния, притворившись спящим. Не хотелось бы повторять этот трюк во время обеда.

– Загадочный. Я вроде умер. Или умирал, – Михаил открыл странно пахнущую упаковку с розовой мясной таблеткой и краем глаза заметил, что сосед внимательно на него посмотрел.

– Очень рад за вас. Мне давно такое не снится.

Настала очередь Корнеева оценить вынужденного собеседника. Стройный мужчина непонятного возраста с плохой кожей и глазами дважды разведенного и оттого познавшего смысл жизни. Который конечно в некоем особом знании, далеком и сложном. Хотя он точно может предложить «только для меня» скидку за геотег с короткой дорогой.

– А вы кто-то вроде толкователя снов?

– Хм, – сосед поперхнулся таблеткой-салатом. – Нет. Я простой разработчик программ для биоников в психологии. Но с детства интересуюсь снами.

– Как можно ими интересоваться? – спросил Михаил, слегка удивленный, что ему приходится допытываться у «продавца чего-то для снов».

– Видите ли, уважаемый...

– Михаил...

– Николай, очень приятно, – он сделал глоток натурального чая. – Однажды в детстве я спросил себя, а что будет, если понять во сне, что ты спишь?

– Получилось?

– Мне понадобились месяцы. Но сейчас во снах я живу второй жизнью. Был на разных планетах, видел всех, кого хотел увидеть и кого хотел бы забыть, – он усмехнулся и вытер рот салфеткой. – И вот я купил билет на Луну, чтобы сравнить ее с той, что мне снилась.

– Так что вы мне предлагаете? – Михаил всё ждал перехода к практическим условиям сделки.

– Я вам предлагаю в следующий раз, когда вы будете умирать, просто постараться остаться живым. И я не только про эту часть мира. Поймите, что вы спите, и можете творить, что душе угодно. А дальше всё зависит от того, что у вас за душа.

– Погодите, а все эти ваши приключения во сне, это просто полет воображение подсознания или они существуют в каком-то мире?

– Это страшный вопрос, – он промолчал и посмотрел в окно иллюминатора. – У меня там целая жизнь. Что, если бы ваша оказалась сном?

– Ну тогда всё не взаправду и я мог бы не жениться на своей девушке, – Михаил улыбнулся. Сосед оказался не менеджером по продажам, а сумасшедшим. – А вот я не хотел бы, чтобы мои сны оказались реальными.

Увидев немой вопрос в глазах Николая, он откинул голову и посмотрел в панорамный потолок со звездным небом.

– Мне давно снится всякое. Убийства, женщины, дети, космические битвы. Ну, допустим, космические битвы – это

мое прошлое, я раньше служил в охране астероидов. Но всё остальное – я как будто проваливаюсь из мыльной оперы в криминальную драму, а потом – в видеоигру. И так по кругу. Хотя не хочу, чтоб это был круг – надеюсь, что когда-то это закончится. Люди приходят, уходят, врут, воруют, любят, благодарят. Как сериалы про бандитов, ученых, монахов, но не надо платить и ждать годами нового сезона. Я даже научил нейросеть брэйнета записывать мои сны, определять, про кого они, и встраивать в общую историю.

– Надеетесь однажды сложить пазл?

– Я надеюсь, что это хотя бы один пазл, а не остатки от десятка разных, которые кто-то смешал в одной коробке. Черепной коробке. Вот смотрите, это сегодня ночью, – он включил перед Николаем голограмму с одной из последних записей.

Киллер/20. 09.2095

«Это снова один из тех снов, которые кажутся продолжениями более ранних снов. Я просыпаюсь в больнице. Как будто парю над своим телом, но точно уверен, что чувствую его.

– Почему я все еще жив? – хрип вылетает через сильный металлический привкус в моем рту.

– Гжегож, какого черта он проснулся? – ко мне подбегает пожилой мужчина в белом халате.

– Фелиппе, в следующий раз, когда тебе будет нужен анестезиолог, не нужно звать киллера, – подходит еще один. Бла-бла... Блашиховски, вот как его зовут. Их же два было.

– Фьодор, держись, мы заменили половину органов, но у тебя началось кровотечение в мозге. Я думаю, что это та самая опухоль. Мне придется ее вырезать.

– Фелиппе, может позвать настоящего анестезиолога? – я слышу третий голос.

– Ты идиот? Я им не так много плачу, чтобы они молчали на допросе в полиции. Сам сейчас все сделаю. Фьодор, увидимся.

– Блашиховски, на том свете я окажусь первым и приготовлю для вас особую пытку – вы будете вечно опаздывать на собственную казнь и вы даже не увидите, как вас бросят в лаву...».

Николай с интересом посмотрел.

– А я думал, это у меня интересная вторая жизнь. И это всё? Что с ним стало?

В этот момент золотистый браслет на руке слегка завибрировал – появилась спутниковая связь. Через секунду на внутреннем экране показалась Джэй. Михаил мысленно нажал кнопку.

– Привет, дорогой, – она, кажется, шла по утреннему осеннему парку, и камера-дрон снимала ее совсем близко. – Просто хотела узнать, как там полет.

– Привет. Кормили плохо, все в таблетках. Зато соседи интересные. Мы уже подлетаем...

– Здорово. Скажи, а Солнце тебе там видно?

Михаил взглянул в иллюминатор и кивнул. В камере Джэй включился зум, и вот теперь на внутреннем экране, установленном в глазах Корнеева, загорелся рассвет, отраженный в зеленом тумане ее глаз.

– Я просто хотела сказать, что мы сейчас смотрим на одно и тоже Солнце. Это чтобы ты чувствовал, что я всегда рядом. Как тебе? Достаточно красиво я выразилась? – она ожидала какой-то реакции, но не дождалась. – Миша, по поводу вчерашнего, ты вовсе не обязан...

Картинка начала рябить, звук – прерываться. Похоже, она собиралась продолжить тему свадьбы.

– Джэй, тут помехи. Я прилечу, и мы поговорим, хорошо?

Девушка немного смутилась, но постаралась сохранить позитивный настрой.

– Да-да, конечно. Хорошего полета, – она неловко улыбнулась, и экран погас.

– Солнечная буря, – произнес Николай, который тоже что-то пытался сделать в своем брэйннете. – Не вовремя.

– Вовремя, – усмехнулся Михаил. – Если вы не против, я посмотрю фильм.

Экран брэйннета встретил его новостями.

«Госдума обсуждает повышение пенсионного возраста до 100 лет»

«20 человек задержаны у посольства марсианской «Полярной шапки» за скандирование «Мы – Россия, вы – г..о»

«Футбольный клуб «Спартак» назначил нового главного тренера»

Корнеев смахнул всё, поднял руку, чтобы почесать лоб, в этот момент его плечо задел проходивший в туалет человек.

– Извините.

– Ничего, – он долго листал на внутреннем экране меню и, в конце концов, выбрал «Старые добрые 1980-е». Система начала загрузку...

Но появился только черный экран. Всё исчезло. Он посмотрел по сторонам – кажется, не у него одного. Что это, еще одна солнечная буря? В космолете погас свет и включи-

лось аварийное освещение. Мужчина вышел из туалета и с удивлением глянул на темный салон.

– Что-то случилось? – спросил Николай. – Я читал, что тут на каждом углу контрольные станции, если что – пришлют буксир или ремонтный корабль.

– Пришлют, но это пара часов. А пара часов для двух сотен человек в железной банке – это довольно волнительно, тем более если эта банка зависла между небом и Землей.

Действительно, по космолету пробежала волна непонимания. Семейная пара через проход от Михаила живо обсуждала известные случаи поломок космолетов и гибели пассажиров. Успокоил их только голос свыше.

– Дамы и господа, говорит капитан корабля, – по громкой связи пробормотал, растягивая слова, пилот. – Наш космолет попал в солнечную бурю, в связи с чем возникли технические сложности. В настоящее время мы ожидаем прибытия буксира с ближайшей станции техпомощи. Специалисты проверят работу оборудования, и мы продолжим путь. Спасибо за внимание.

– Как долго нам ждать, не знаете? – темноволосая женщина с места 1С, похоже, узнала его.

– Час-два, – он пытался говорить максимально спокойно, пытаясь посчитать в уме расстояние между станциями.

– Ох, а кислорода хватит?

– Да, тут запас на две недели, – вмешался Николай.

– Понаделали автопилотов, сами летать разучились, – бур-

чал мужчину у иллюминатора.

– Гриша, ты-то остынь, сам роботов делаешь, – эти двое продолжили семейный диалог, в котором оба призывали друг друга к спокойствию. Но со временем и их беседа стихла, уступив место волнительному ожиданию, смешанному с космическим одиночеством.

Михаил пытался поспать, но что-то не давало ему покоя.

«Сегодняшние сны? Да нет, обычный набор нелепых событий. Я уже привык к перестрелкам, семейным сценам, смертям в том мире. Слова Джэй? Возможно. Она хочет свадьбу, и попытки вернуться от выбора ведут только к ненужному напряжению. Нельзя бесконечно откладывать принятие решения. Иначе оно примется за тебя. Еще этот сон с запиской. Кому нужно писать такие загадочные вещи? И для кого оно?».

Следующие полчаса он провел между сном и реальностью, осознавая происходящее вокруг, но больше присутствуя в своих мыслях, которые периодически обретали объем и превращались в немыслимые события, а потом возвращались обратно в его внутренний монолог. Разбудили его возгласы семейной пары.

– Летит! Летит!

Космический эвакуатор замедлился и остановился где-то под фюзеляжем лайнера. По легкому толчку снизу они поняли, что тот состыковался с космолетом. Через 15 минут рядом с ними в сторону кабины пилота проследовали трое

мужчин в сине-оранжевой спецодежде с кейсами. Вежливые и дружелюбные, они спокойно, но односложно отвечали на вопросы пассажиров. «Да, всех доставим. Разберемся. И не такое бывало».

Стюардесса проводила их в передний отсек и закрыла виртуальную дверь от посторонних взглядов. Напряженное молчание сменилось воодушевленным ожиданием.

– Дамы и господа, говорит командир корабля. Технические специалисты уже занимаются восстановлением поврежденной солнечной бурей электроники, и в ближайшее время мы продолжим путь.

– Бери штурвал и сам веди, – раздался голос в салоне.

– Да они теперь даже к женам с автопилотами ходят, – ответил ему другой, утонувший в гыкающем мужском смехе.

Виртуальная дверь создавала непрозрачную стену, но звуки сквозь нее проходили. Техники что-то открывали, закрывали. Мужчина, который задел Михаила по дороге в туалет, встал со своего места и подошел к двери.

– Хочу послушать, что говорят, – стюардесса попыталась попросить его вернуться на место, но он вежливо ее успокоил – Я просто постою пару минут, если ничего не будет, то пойду обратно.

Он прижался к виртуальной двери.

– Ну что там? – спросила шепотом женщина с 1С. Он приложил палец к губам.

– Далеко они, не разобрать, что говорят.

– Всё, мужчина, вернитесь на место.

– Сейчас. Мужики, ну что там? – он крикнул громко и, несмотря на сопротивление стюардессы, прислушался, как будто надеялся на ответ. Но конечно никто не стал с ним разговаривать. Вместо этого произошло странное – из-за двери послышался звук падения, через секунду виртуальная дверь открылась, и один из техников бросил мужчине что-то похожее на разводной ключ.

Поймав его, «любитель подслушивать» моментально повернулся и обхватил стюардессу рукой вокруг шеи, приставив к ее виску пойманный инструмент. Стало понятно, что это самодельный пистолет. Леди с 1С вскрикнула.

– Где ключ от кабины пилота? – прорычал он в ухо стюардессе.

– У меня нет, нам не положен, – девушка была спокойной, как и положено бионику.

– Оставьте ее, – Николай попытался встать, но террорист направил пистолет в его сторону.

– Не с места, ты же не хочешь, чтобы я начал стрелять в космолете посреди ничего? Всем не двигаться! Милая, я точно знаю, что у тебя есть ключи. Давай ты просто отдашь, иначе я убью этого джентльмена.

Она секунду поколебалась.

– У меня нет ключей, – ответила она, и ответом ей был выстрел. Николай вскрикнул и обмяк в своем кресле. Волна ужаса обрушилась на пассажиров и смыла остатки недавнего

спокойствия.

– Молчать! – рявкнул террорист. – Ну, сколько еще надо убить, чтобы ты перестала думать, что жизнь остальных ценнее? Половину? 99 процентов?

Он навел пистолет на женщину с 1С. Та испуганно вскрикнула. Ее муж расстегнул привязные ремни и закрыл собой супругу и тут же получил выстрел в область сердца.

– Гриша!

– Сколько еще? Сколько? – кричал террорист. – Где ключи?

Девушка трясла головой. Михаил заметил, что на жертвах не было кровопотечек, значит это не огнестрельное оружие. Вероятно шоковое. Жертва погибает от несовместимого с жизнью болевого шока. Прострелить обшивку космолета таким оружием нельзя. Но и любое попадание смертельно.

В этот момент корабль начал движение. Из-за двери раздался голос одного из «техников»: «Всё готово». Похоже, они подключили внешнего автопилота к управлению кораблем. Но капитан еще может перезагрузить систему и запустить ручное управление. Вот зачем им ключи.

– Просто отдай мне ключ, и я пощажу всех. Мы пересадим вас на технический борт, и вы останетесь живы.

Еще секунда колебаний. Оружие было направлено на Михаила. Тот едва заметным движением кивнул девушке.

– Хорошо. Я отдам ключ, – левая рука террориста немного ослабила хват вокруг шеи, а правая начала сгибаться,

чтобы нацелиться в висок. В этот момент Михаил бросился вперед. Он откинул стюардессу, прижал к стене руку с пистолетом и сильно ударил в лицо бандиту.

Тот ударился затылком, однако быстро опомнился, постарался вырваться и выстрелить, но попал в потолок. Михаил повалил противника на пол, к нему на помощь бросились еще несколько мужчин, но из-за проема для виртуальной двери раздались выстрелы, и один или два человека упали в проход. Корнеев ощутил сильный удар, отлетел назад и через секунду увидел перед собой дуло самодельного пистолета.

Михаил посмотрел на второго. Что-то было не так с его лицом.

– Ну что там? Готов автопилот? – спросил вставший на ноги первый захватчик.

– Вроде да.

– Вроде?

– В следующий раз, когда тебе будет нужен взломщик, не нужно звать киллера, – сказал второй.

Его лицо... Бритая голова, но если присмотреться... Вспышка в нейросетях Михаила принесла не только осознание, но и тихий ужас.

– Бла.. Блашиховски? – сдавленным голосом произнес Михаил.

Смесь удивления и страха отразилась на физиономии террориста.

– Какого черта? Кто ты такой? – он подошел к Корнееву и направил на него пистолет.

– Может ты мне расскажешь? – прошептал Михаил окровавленными губами.

В это время стюардесса прикоснулась к сейфу на стене, ввела пароль и отдала электронный ключ захватчику.

– Всё, брось его. Пойдем.

Террорист хотел выстрелить, но, секунду подумав, всего лишь ударил Михаила по голове. Оглушенный, тот провалился в погасший мир.

Марсианин/20. 09.2095

«Я просыпаюсь от щелчка открывшейся двери автомобиля.

– Хозяин, я нашёл, – бионик усаживается на пассажирское кресло и протягивает мне когда-то белоснежную, а сейчас грязно-бурую часть антенны. Горячая, с приварившимся к ней за столетие песком, вот она – в моих руках.

Всё. Это последняя часть. Я собрал его. Весь потерянный когда-то советский марсоход «Марс-3» теперь стоит в моем ангаре и ждет сигнала о поступлении средств от покупателя.

– Эл, ты герой, выпишу тебе сегодня премию. Что ты хочешь? Новую карту в этой твоей игре, где бионики убивают людей? – я смотрю на него и вижу, как его искусственный рот медленно расплывается во вполне искренней улыбке. – Вот ты тварь, ты и меня бы прикончил, если бы знал, как в этом мире звезды розыска сбросить.

Включаю зажигание. Пикап начинает рычать, и в этот момент из магнитолы доносятся мрачные слова какого-то пожилого диджея.

«И социально-психологические проблемы гонки вооружений... В докладах рассматривается...»

С удивлением смотрю на Эла, он – на меня.

«... эволюция ядерных вооружений».

Слова начинают повторяться. Я бью по приборной панели.

«И социально-психологические проблемы гонки вооружений...»

Вспоминаю, что соглашение о ненападении подписали два месяца назад, что земляне обещали контролировать ядерные запасы местных, что я только собрал «Марс-3» и еще не готов умирать. Живот начинает крутить от боли.

И в эту секунду на фоне повторяющихся страшных слов слышу аккорды синтезатора. Опять радио сломалось, и каналы накладываются друг на друга? Я бью еще сильнее. Еще и еще, пока не слышу барабаны и не понимаю, что голос ведущего – это часть песни. Вступает солист и поет что-то на английском. Эл смотрит на меня в изумлении. Кажется, он ждет, что я разгромлю сейчас всю машину. Именно это я и хочу сделать.

Надо выдохнуть. Вернуться.

Мы едем по пустынной равнине, которая из-за дешевой системы искусственного климата кажется грязно-зеленоватой. Терраформирование Марса вернуло сюда атмосферу, установило искусственную гравитацию и сделало эти камни и пески пригодными для выживания. Которым мы занимаемся, пока жизнь проходит мимо. Жадность и глупость чиновников превратили планету не в цветущий сад, а в одну большую шахту. Да, люди здесь отличаются от римских рабов, умиравших в каменоломнях – для этого у нас есть бионики. Те ломаются от тяжелого для их механизмов труда, пока мясные мешки дохнут от скуки и бессмысленности.

Эл включил спутниковую связь в машине. И тут же раздался звонок.

– Ты где опять? – она пытается не срываться на крик.

– Да я уже еду. Скоро буду, – приходится терпеть, потому что спутниковое обнаружение во время раскопок должно быть выключено.

– Ты совершенно меня не ценишь, даже не понимаешь, что я для тебя сделала.

– Я понимаю, – пытаюсь вставить без особых надежд.

– Если бы понимал, ты бы не выключал связь!

Я выключаю. Она снова звонит. Второй звонок. Вдыхаю-выдыхаю. Третий. Вдыхаю-выдыхаю. Отвечаю.

– Вот видишь, тут плохо ловит, – сбрасываю.

– Хозяин...

– Еще слово и я прямо тут вырву все твои голосовые модуляторы, и вместо речи оставлю тебе ту программу со строчками из поп-музыки. Будешь до конца жизни говорить одно и то же разными словами, – ворчу я Элу и ускоряюсь.

Скоро всё это закончится».

Who wants to live forever

Физик

/21. 09.2095

«Сны про этого человека самые скучные. Обычно он просто сидит и изучает данные телескопов и прочих научных штуквин. Но иногда у него бывают эти яркие вспышки в сознании, и это что-то особое. Как если бы ребенок увидел,

что загорелись гирлянды на новогодней елке, при этом он катился на ледянке с высокой горки, его кожи касалась теплая неколючая кофта, а в конце его ждали мама с папой и горячим сладким блинчиком. И завтра не надо в школу. Вот тоже самое, только вместо елки и блинов – физические формулы.

Но сейчас это пытка. Я должен смотреть сон, в котором ничего не происходит. Просто сижу и листаю таблицы с данными, которые, кажется, прислали с телескопа. Я мог бы услышать мысли, но в голове проносятся только образы, как облака информации, сменяющие друг друга под действием незримых электрических ветров.

Он перестает листать страницы планшета на одном из слайдов и останавливает взгляд на мутной картинке с расплывчатым желтым пятном. Не понимаю, о чем он думает, опять мельтешение смыслов, завернутых в страхи и надежды вместо слов. Стоп. Нет, этого не может быть. Десятки кусочков расколотого образа в его голове собираются в стройную картину, ослепляя своей красотой...

– Реликтовое излучение... реликтовое излучение, – шепчет он, и в эту секунду сканер сознания понимает, что в картине остался маленький недостаток, который разрушает все её внутренние пропорции. Неидеальная теория не будет работать.

Я слышу тихий, сдавленный плач».

Михаил очнулся через несколько часов на борту душного ремонтного корабля, забитого людьми. Трое человек нависали над ним, рядом лежали тела его соседей по первому ряду космолета. Возле одного из них на коленях сидела рыдающая вдова. Во рту был явный привкус крови. Стюардесса водила МРТ-сканером над его головой, которая в месте ушиба болела, но, глядя на погибших, он к своему стыду слегка порадовался, что ощущал эту боль.

– Вроде, ничего серьезного, – девушка открыла аптечку и достала пластырь. – Тут обезболивающее и для восстановления тканей и сосудов. Так гематома быстрее пройдет.

Она прилепила пластырь ему на запястье и пошла осматривать других пассажиров, оставив Корнеева одного среди живых и мертвых.

«Почему персонаж снов оказался в реальности и почему он меня не узнал? А почему он вообще должен был меня узнать? Кто этот человек из сна про больницу, с которым общались эти Блашиховски? Почему террорист как будто испугался, когда услышал свою фамилию?»

Адресата для этих вопросов рядом с ним не было, да и Михаил не представлял, кто мог бы быть таким адресатом. Поэтому и ответов ждать не стоило. Он подумал о том, что сказать пассажирке с 1С в этот момент, но по громкой связи раздался голос.

– Дамы и господа, говорит ... хм... капитан корабля... К нам прибыл запасной космолет с истребителями. В ближай-

шее время мы проведем стыковку и попросим вас перейти на его борт для завершения полета. Благодарим за выбор нашей авиакомпании, – протараторил он последнее предложение.

Корнеев посмотрел на людей. Они стали другими за эти часы, как будто кровь в их сосудах сменил тихий ужас, смешанный со счастьем быть живым и болью о погибших. Еще недавно веселые и говорливые, они молчали и верили, что смогут вернуться на маршрут, с которого почему-то сошли.

Михаил на корточках подошел к заплаканной вдове. Она подняла на него глаза и еще сильнее разревелась, когда он прижал ее к своей груди.

– Ваш муж – герой, вы можете гордиться им, – никакие слова, кажется, ничего не значили сейчас, но они были нужнее, чем когда-либо.

– За что они его убили? Что он такого сделал? – она надрывалась в попытках найти какой-то смысл в веренице случайностей. Он не знал, что сказать.

– Уверен, их найдут, они не смогут далеко уйти. Все космолеты отслеживаются, и вряд ли получится его дозаправить, чтобы вылететь за астероиды, – Корнеев пытался придать своему голосу уверенность, хотя и знал, что трекары можно перенастроить, а для такой продуманной операции должен существовать план отхода.

– Это ведь тот человек выключил все брэйннеты, да?

– Скорее всего, – Михаил вспомнил, что террорист ходил в туалет, когда произошла «солнечная буря». Возможно, там

была припрятана «глушилка».

В этот момент они ощутили легкий толчок. Корабль состыковался с космолетом. Дверь в трюм открылась, и он услышал голоса. «Поднимайтесь на борт». «Где пострадавшие?». Через секунду к ним подбежали несколько медиков. Возле его головы водили сканерами, смотрели в зрачок, что-то прилепляли. Двое разговаривали с пассажиркой с 1С. Кто-то буднично констатировал факт смерти. Его куда-то вели, он видел вооруженных людей, которые проверяли всех поднимающихся на борт.

Через полчаса они уже летели к Луне. Брэйннет заработал, постепенно в салоне началось гудение сотен одновременно говорящих людей. Ему позвонила Джэй, которая была менее спокойна, чем обычно.

– Привет, я в порядке.

– Фух, я волновалась, – через пару секунд пришел ее ответ. – Тут все новости – про ваш рейс.

– Джэй, я приеду – поговорим, – тяжело было общаться в этом нестройном хоре желающих высказаться.

– Э, хорошо, – она замялась. – Береги себя.

– Буду, – он на мгновение подумал. – И ты.

Девушка слегка улыбнулась и внутренний экран погас. Он закрыл глаза и еще раз прокрутил последние события. «Надо найти этих Блашиховски. Понятно, что они полетят за астероиды, чтобы скрыться на одном из спутников газовых гигантов. Но зачем им пассажирский, даже не военный космо-

лет? Если они террористы, то зачем оставили столько людей в живых? И почему ничего не слышно ни о требованиях, ни о политических заявлениях? Впрочем, сейчас это не так важно, как...»

Страдалец/21.09.2095

«Я умер? Странный вопрос для никогда до конца не жившего. Хотя я все еще как-то мыслю, значит, где-то существую. Или просто проговариваю мысли того, кто существует.

Было ли страшно? Секунда стягивающего мышцы ужаса. А потом свобода. Ничего физического больше, кроме антигравитации. Ощущаю только близость небес, к которым вознесусь. Скоро они придут.

Я вышел. Вижу свое тело на зеленой траве, людей, которые бегают и машут руками. Глупые, я прощаю вас. Вы просто не понимали, кто рядом с вами. Вы были молекулярны и не видели, что за этим миром стоит еще один, к которому я принадлежу.

Какая-то трещина сомнения пробегает по краю моего сознания. Свободен ли я или просто галлюцинация все еще живого мозга? Нет, я же вижу всех этих людей и бывшего себя. Но почему я все еще здесь, почему не в ином мире? Я согласен на ад – всё лучше, чем быть плодом воображения умирающего куска биоматерии.

Врачи, носилки, крики...

Непонятно, где мои? Где все те, с кем я общался все эти годы? Все те, кто просил меня войти в эту дверь с надписью «Вовне». Они не могли бросить меня тут, на пороге, возле

коврика «Дом, милый дом» в виде моего собственного тела.

Они просто задерживаются. Стою посреди ночного города, сквозь меня падают капли дождя и лучи света окон перепуганных людей. Не знаю, я не найду дорогу сам, я же просил, я...

Отворачиваюсь и иду. Сквозь людей, сквозь ревущую мать, сквозь зевак с камерами. Прыгаю и лечу. В никуда, где я появился из света, и на свет, из которого состою.

Поднимаю голову и вижу вспышку молнии, которая пронзает расстояние между тем миром и этим. Секунда – и страшная боль сотнями тупых гвоздей вбивается в мое тело.

«Разряд. Еще разряд».

Мою биоткань везут в больницу.

Никто не пришел. Небеса решили не возносить меня. Ад отказался волочить мою душу в свой котлован. Я стучусь, но дверь закрыта. Никого».

Из аэропорта Армстронга Михаил полетел на лунную станцию «Эпсилон», где уже должна была начаться процессия. Сегодня хоронят его боевого товарища Владимира Михеева. Он плохо понимал, как устроены временные пояса на Луне и почему соседние станции были синхронизированы с разными земными городами. На «Эпсилоне» сейчас 12 часов дня, хотя на соседней «Дзете» почти полночь.

На крыше самолета был открыт панорамный вид, как будто специально, чтобы люди продолжали страдать от косми-

ческой депрессии, распространявшейся по обитаемым планетам и спутникам, несмотря на все усилия медиков. Тех, кто летел впервые, эта бесконечность впечатляла, но чем опытнее был путешественник, тем чаще он сравнивал ее с простым числом, которым являлся сам.

Над станцией, расположенной в Море Москвы на обратной стороне Луны, не было Земли, а значит, не было и напоминания, что мир хотя бы визуально богаче, чем серый разной яркости. Поэтому тут так любили окрашивать стены зданий, и у гостей «Эпсилона» создавалось впечатление, что они попали во вселенную детских кубиков.

Корнеев спешно вошел в торжественный зал со стенами из темно-фиолетового бархата, когда церемония уже началась. Три десятка гостей по очереди подходили к гробу и прощались с майором. Михаилу кто-то пожал руку. Кажется, он слишком торопился, отчего внутренне не очень соответствовал печальному духу мероприятия. Увидел в толпе еще одного бывшего сослуживца, подполковника Зобнина, кивком головы поздоровался с ним.

Пришел его черед, он посмотрел в закрытые глаза друга, и только сейчас до него дошло, что в этом мире они больше никогда не встретятся. Что-то невероятное было в этой мысли – вот же Володя, тут. Но нет, он, может, и тут, но какая-то важная часть его уже стерта с жесткого диска. Корнеева придавили грусть и теплые воспоминания. Он выдохнул, положил в гроб лунную гвоздику и побрел в зал.

Гостей попросили присесть, зазвучал орган, но вопреки ожиданиям это оказалось началом песни, под звуки которой гроб медленно покатился вглубь сцены, где открылись створки молекулярной печи. Михаил вслушался в слова, оказалось, что песня была про бесконечную жизнь.

«Как иронично Вова идет от космической пыли¹ к космической пыли². Как будто даже кремация – повод для веселья. Жаль, что его нет с нами, а то он бы глупо пошутил, что не ждал, что его смерть так тепло примет».

В это время включился большой экран, стоявший в углу зала. На нем был созданный нейросетью клип с яркими событиями из жизни Владимира. Яркими они были по мнению искусственного интеллекта, потому что сам усопший был бы против кадров с его второй свадьбы.

Через несколько минут видео замерло. С экрана на гостей смотрел веселый добряк майор Михеев. В этот момент под громкие барабаны и хор, поющий про то, что кто-то хочет жить вечно, из печи выполз небольшой ящик с пеплом покойного, который распорядитель похорон в белоснежных перчатках бережно передал сыну майора.

Михаил давно не хоронил друзей и не ожидал продолжения. Под финальные аккорды песни внезапно картинка на экране ожила, как будто проснулась от громкой музыки. Изображение увеличилось, и стало понятно, что это цифровая копия Михеева, которая была собрана по последним годам активности его брэйнета и поведению в соцсетях. Пес-

ня постепенно стихла.

– Друзья, я умер, но благодаря цифровым технологиям всегда буду с вами, – личность с экрана заговорила голосом покойника. – Подключайтесь к государственной информационной системе «Наследие», и мы сможем быть вместе. Приглашение для регистрации отправлено вам в брэйннеты. Спасибо всем, что пришли, приглашаю всех в зал для торжественных проводов в мир иной.

Он взмахнул рукой, и виртуальная камера отъехала назад, показывая зрителям прелести потустороннего мира – райские кущи на берегу моря с веселящимися девушками и юношами.

Поминки в кафе также омрачились победой цифровой жизни над смертью. Всем тостующим приходилось обращаться в сторону экрана, на котором веселилась электронная голова усопшего. Воспоминания гостей о славных эпизодах жизни Михеева сопровождались комментариями его же цифровой версии, что превращало происходящее в довольно странное действие.

– Что это было? – Михаил подсел с бокалом к Зобнину.

– Говорят, что сын его так решил, – сослуживец развел руками. – Я тоже не понимаю этих модных веяний. В наше время просто бы на стене в соцсетях написали, какой сволочью он был, а сейчас придется регистрироваться на госпортале. Ты про космолет слышал?

– Да, даже присутствовал при захвате.

– Так ты летел тем рейсом? – подполковник поперхнулся. – Рад, что ты в порядке, а то испортил бы Владимиру все похороны.

– Ну, давай, за Вову... – они опустошили бокалы. – Надеюсь, он там счастлив, где он есть. В портале, или как там... Слушай, а что, на астероидах есть для меня работа?

Подполковник посмотрел на него с недоумением.

– Ты ж военный пенсионер, – он жестом приказал своей спутнице-бионике налить им еще по одной. – Тебе счастье наскучило?

– Нет, – Михаил ответил рассеяно. – Кажется, захваченный самолет туда потащат.

– Я конечно поспрашиваю, но..., – он слегка наклонился и перешел на шепот. Михаил снова рассмотрел так и не заросший шрам на щеке Зобнина. – Мне тут теплые ветра напели, что это не твоя война.

– Погоди...

– Ни слова больше...

Так и не сумев ничего выпытать из Зобнина и решив, что с него довольно современных технологий в ритуальном бизнесе, Корнеев тепло распрощался с подполковником, пожелал на прощание «виновнику торжества» долгих лет посмертной жизни и поспешил на рейс на Землю.

В этот момент в его брэйиннет позвонили с неизвестного номера.

– Михаил, добрый день. Следственный отдел Лунных станций.

– Добрый день, а зовут вас как? – экран вместо собеседника показывал серую фигуру на зеленом фоне.

– Меня так и зовут, я центральный компьютер лунных следователей. Пара вопросов к вам есть по поводу космолета. Есть минута? – дождался вымученного согласия и продолжил. – Михаил, расскажите, о чем вы говорили с захватчиками космолета?

– Ни о чем, – он выпустил виртуальную камеру дрона, чтобы разговор с тенью не мешал ему идти по станции.

Полицейский включил видео, похоже, это была биокамера из глаз стюардессы. На съемке было видно, как Михаил прыгает к ней, как она в падении видит начало схватки. Потом, кажется, ударяется о стену корабля, поворачивает голову в момент, когда Корнеев уже лежит в проходе, а над ним склоняется второй террорист. Сквозь крики и плач ничего не слышно, но понятно, что Михаил что-то произносит, от чего захватчик меняется в лице.

– Вот тут что вы сказали?

– Не помню, – Михаил сделал вид, что усиленно вспоминает. – Вроде бы я как-то оскорбил его в гневе.

– И он передумал вас убивать из-за этого? – изображение снова начало двигаться вперед, показывая, как бандит явно хочет выстрелить, но потом передумывает и бьет Корнеева по голове.

Михаил остановился возле цветастых колонн на выходе из станции «Эпсилон». Что он мог сказать? Что знал фамилию захватчиков? Как рассказать, что видел во снах? Следовательно потребует гипнологическую проверку для выуживания из его подсознания всего, что Корнеев знает про Блашиховски. Так, может, так и надо сделать? Полиция и приведет его к разгадке.

Но с другой стороны, какие у него гарантии безопасности, если он копу всё расскажет? Бандиты, которые могут подбрасывать мощные «глушилки» в космолеты и проникать в ремонтные бригады со своим оружием, сразу догадаются, что их нашли по его наводке, и найдут способ отомстить.

С третьей стороны, никаких гарантий, что полиция поможет ему раскрыть секрет снов, если он им скажет всё. Блашиховски могут найти и отправить на исправление до того, как у Корнеева получится с ними встретиться. В результате и сам ничего не поймет, и просто получит выстрел в спину шокowym пистолетом от одного из их сообщников.

– Послушайте, я плохо помню, что там было, меня ударили, я не сразу пришел в себя, и вообще я опаздываю, – он пытался сообразить, в какую сторону ему идти.

– Может, это вам поможет, – и перед Михаилом появилась видеопроекция, на которой леди с 1С срывающимся голосом что-то рассказывала.

«– Корнеева ... от удара откинуло назад, и он упал за мной... Послушайте, я плохо помню... У меня на руках был

мой муж... Покойный..., – ей понадобилось какое-то время, чтобы снова прийти в себя. – Я видела, что стюардесса открыла сейф с ключом. Потом вроде упавший мужчина что-то сказал одному из них, а тот ему ответил.

– А что сказал, вы помните?

– Бандит – что-то вроде “Кто ты такой?”, а тот «Ты сам мне скажи». Потом захватчик его ударил и ушел. Помню, он еще так очень удивленно посмотрел, когда выходил».

– Послушайте, пожалуйста, меня внимательно, – компьютерный коп попытался сделать вид, что ему нужна помощь Михаила. – Мы считаем, что среди пассажиров у террористов могли быть сообщники. Я ни на что не намекаю, но вы почему-то выжили, хотя должны были быть мертвы. И еще вы что-то сказали. После чего человек, который только что бесстрастно убивал, впал в шок от удивления.

– Вы слишком красиво говорите для простого копа.

– А вы слишком наивны для человека, который знает, что мы можем получить разрешение на гипнологическую экспертизу, – моментально ответил полицейский.

– Вы знаете, у меня есть адвокат, очень угрюмый человек, но даже он будет долго смеяться, когда это услышит, – Корнеев открыл дверь в авиапарк.

– Михаил? – твердый голос программы заставил его остановиться. – Я думаю, мы с вами еще встретимся.

Корнеев удивленно посмотрел на дрона. Он сел на авиаэкспресс до Армстронга, опять подумал про черно-серый

фильтр, который зачем-то применили к этой картинке, и вспомнил о Джэй. Включил социальный виджет в брэйннете.

Новости сегодня не радовали.

«Министр финансов пообещал, что налоги не повысят. Скорее всего»

«Загадочные исчезновения чиновников марсианских государств продолжаются»

«Новое поколение биоников будет понимать человеческие эмоции лучше людей»

Михаил задумался, забыл позвонить Джэй и выключил экран.

“Если ты читаешь это, то я мертв и скоро здесь будет кто-то следующий. Пожалуйста, позаботься о моей семье...”

Он перебирал в голове куски последних снов, пытаясь найти если не верные ответы, то хотя бы правильные вопросы. Кому можно передать сообщение, просто написав текст на внутреннем экране? Родным, которые после смерти получают зашифрованный чип? Тогда кто должен заботиться о семье?

Встревоженные пассажиры космолета «Луна-Земля» нервно перешептывались, рассказывая друг другу услышанные от кого-то версии вчерашнего захвата. Но многочасовой досмотр перед посадкой и вооруженные охранники в каждом отсеке салона внушали если не спокойствие, то хотя бы

его иллюзию.

Михаил вспомнил про слова Николая, что надо попробовать осознать себя спящим в дреме, и тогда он сможет что-то сотворить в том мире. Но он долго не мог уснуть и прокручивал в голове события этих дней. Повторял какие-то слова и придумывал новые вместо сказанных. Через какое-то время поймал себя на том, что уже не может быть уверен в своей истории – столько красивых деталей появилось в его версии, и он уже не различает среди них реальные события. Только после долгой приборки в голове Корнеев наконец ощутил падение в мутные воды сна.

Марсианин/21.09.2095

«Я снова рисую. Это снова графика, как будто серый может описать всё на свете. Я снова рисую Его. Снова рисую Его и говорю с ним.

Обычно я долго рисую Его голову, чтобы быть уверенным, что это будет Он. Глаза, чтобы он видел, каким я стал. Потом уши, чтобы рассказать ему всё. Рот я рисую в конце, потому что знаю всё, что он мне скажет. И не хочу это слышать.

– Я собрал марсоход. Ты понимаешь? – он дважды моргает. – Хорошо. Мне обещали деньги за него на этой неделе. Тогда можно будет заняться нашим проектом.

Мало кто знает, что серый получают, смешав красный, зеленый и синий в равных пропорциях. Картина кажется депрессивной, но в ней спрятаны бурые камни, трава моей фермы и марсианский закат. Впрочем, нет, я ничего не спрятал. Это люди видят мрак, потому что он внутри.

– Не знаю я, зачем это всё, – я смотрю в его глаза в поисках понимания, осознавая, насколько это глупо. – Мог бы сделать проект для себя одного. Уйти и наплевать на миллиарды этих идиотов. Им ведь ничего не объяснишь. Машины, которыми помывают программы 5000 года до нашей эры выпуска. Да, у них было несколько обновлений. Но люди заражены вирусами тщеславия, похоти, жадности. Теперь не понять, где операционная система, а где вирус. Где человек, а

где машина.

Смотрю на безротовое существо на бумаге. Жена была бы рада такому мужу. Не было бы слов, которые бы бесили ее. А вообще пора понять, что прошлое уже дальше, чем будущее. Интересно, нарисовать ли ему туловище, чтобы боли в животе и его помучили?

– И самое главное – я почти встроился в этот улей. Семья, ферма. На доход от марсохода можно купить новую ферму. В конце концов, – я прорисовываю редующие волосы. – К чему мне эта слава среди ничтожеств, которые продолжают жить мозжечком?

Поднимаю картину. Хорошо получилось.

– Смотри, копия лучше оригинала, – поворачиваю его портрет, и из зеркала на меня смотрят я сам и я сам с портрета. Второй я что-то мычит, и по его взгляду я понимаю, что он меня ненавидит».

True colours

Монах/22.09.2095

«Монастырь. Обычно мы просто сидим с закрытыми глазами и следим за своим дыханием. Часами. А мастер – она просто ходит вокруг нас с бамбуковой палкой и следит за брэйннетом каждого, чтобы мы не начали думать о чем-то действительно важном.

Это вообще невеликая идея – взять в аренду вершину горы (как ее местные называют? Кэтчкэнар?) рядом с заброшенным карьером, построить буддийский храм и учить просветлению за оплату в размере «сколько не жалко».

Сейчас наша Сталиньяян, как мы меж собой ее называем, придумала особую пытку. Мы сидим в центре водохранилища на маленьких плотках. Со стороны это, наверное, кажется чем-то мистическим. Но нам не до чудес – пара неловких движений, и плот сбросит тебя в суровую зеленоватую реальность. Мастер восседает на центральном плоту и кричит на тех, кто замечтался о настоящей жизни. Что дальше? По-летим на марсианские рудники осваивать дзен каменоломни? Или нас отправят на Солнце ради дзена пепла?

– Коля, вернись на Землю!

Зачем это всё? Я все еще пытаюсь отыскать, где в моем теле живет мой разум. Я понимаю, что нигде не живет (и, кстати, моя бывшая была бы с этим согласна), но теперь я должен это прочувствовать как-то по-особому. Может, я смогу

найти и своего потерянного друга?

– Томас, инхэйл-эксхэйл,– слышу я окрик на плохом английском.

Да дышу я, дышу, куда я денусь. Дышу. Это странное действие – думать о дыхании. Твоя душа как будто переселяется из головы в живот и не понимает, для чего все эти страхи и обиды. Дышу. Через какое-то время дыхание завораживает меня, как барабаны старого рока. Среди сильных долей вдохов и выдохов я слышу слабые доли тишины, через которые, как через входные двери театра во время концерта, можно услышать отраженные отзвуки гармонии.

– Томас, бриф!

В этот миг мир как будто ставится на паузу, что-то важное откуда-то с окраины моего мироздания растет и долетает туда, где еще нет слов. Не надо слов, пусть это чувство еще побудет само собой. Но нет, в голове все вспыхивает и хочется смеяться. Я понял. Как же я мог быть так глуп всё это время? Никто не переселяется ни в какой живот. Там нет ничего.

И тут я не выдерживаю и теряю равновесие, с руганью погружаясь в мрачные пучины этого озера. Всё так глупо, и оттого еще смешнее.

Выныриваю, хватаюсь за плот.

Стоп. Какая-то важная мысль стучится из другой комнаты моего сознания. Что-то важное, что я хотел вспомнить. Но не могу нащупать в потемках эту дверь. Только пульсирующие звуки ударов...»

Михаил проснулся оттого, что ребенок на заднем сиденье ритмично стучал ногой по его креслу. Мамаша зашикала на маленького хулигана, и тот успокоился, посчитав задачу по привлечению внимания выполненной.

«Качканар? – мысль из сна вынырнула в реальности, как жадно вдыхающий воздух начинающий пловец. – Старый город возле бывшего рудника? Я, вроде, слышал про это место».

Кажется, это была первая зацепка за многие годы. Корнев часто думал о том, что многие его сны должны были иметь какие-то черты, маленькие нюансы, по которым он смог бы найти исполнителей главных ролей. Он включил на брэйн-нете сервис, позволяющий прогуляться, а точнее пролететь по всем уголкам мира. Возле Качканара действительно был буддийский храм, доступный для видеоэкскурсий. Михаил сделал заказ и дрон устремился в небо.

Полет по построенному на склонах гор городу едва ли мог показаться удовольствием для пассажиров автомобилей и зрителей видео с дронов – пространство было скомкано, как лист бумаги, отчего «вперед» почти всегда становилось «вперед-вверх» или «вперед-вниз».

Большинство зданий были в солярном стиле, который часто применяли в тех населенных пунктах, где нельзя установить систему искусственного климата. Слегка блестящие дома отражали неиспользованные для прогрева солнечные

лучи, отчего город даже в пасмурную погоду выглядел светлее, чем он был на самом деле. Кто-то называл это иллюзией, а маркетологи строительных компаний – «эффектом “солнечного зайчика”».

Было много неорастений, выведенных когда-то ради их повышенной способности превращать углекислый газ в кислород. Но коммерчески успешными они стали только после того, как биологи научились менять гены, отвечающие за их окраску.

Сиреневые ели, голубые тополя, розовая трава газонов – это стало настоящим бедствием земных мегаполисов, пока власти не начали вводить единый стиль для каждого города. И вот дрон летит мимо ультрафиолетовых парков с вкраплениями серого, и кажется, что здесь готовятся временно принять статус столицы моды. Хотя пара красных елок то тут, то там подсказывала, что в Качканаре тоже есть желающие выразить свой протест даже длине видимой глазу световой волны. Или это настоящие цвета города, которые пробиваются из глубины?

Михаил смотрел на летящие рядом с дроном автомобили, пассажиры в которых спали, ели и даже целовались.

«Еще немного соединенных одним транспортным пучком историй жизни, чьи линии через пару секунд разлетятся по разным романам. Герои со своими мотивациями, миссиями и конфликтами. Им кто-то проспойлерил, что в конце все умрут, но они продолжают верить, что это просто глупая

шутка, пока не увидят последнюю страницу с тиражом, рейтингом книги, а потом и обложку с отзывами каких-то людей».

Впереди-внизу показались водохранилище и высокая гора, где росли деревья 1.0, окрашенные природой в недизайнерские цвета. Дрон вылетел с берега и на бреющем полете проследовал над озером куда-то, где должны были быть ясные ответы на туманные вопросы.

Под крылом беспилотника зашуршала многоцветная осенняя рябь. Он нырнул вглубь и оказался над каменистой тропинкой среди леса, аляповато раскрашенного, как детская раскраска с цифрами. Дорожка вела вверх к скалистой вершине, там показались первые постройки. Начинало темнеть, но дрон уверенно облетал сумрачные деревья и торчавшие из земли глыбы.

Остановился у бело-красных обветшалых ворот и завис в воздухе.

«Перейти к ручному управлению?» – на экране всплыло сообщение.

Да/Нет.

«Да», – виртуальная кнопка зажглась и растворилась.

Михаил попробовал покрутить картинку из стороны в сторону. Освоился довольно быстро, правда, дрон чуть не ударился о каменные ворота. Он хотел перелететь преграду, но в этот момент створку распахнул молодой мужчина в нежно-кораловом одеянии и, дружелюбно улыбнувшись, рукой

пригласил внутрь.

Дрон неуверенно влетел на территорию монастыря. Среди осколков скал стоял трехэтажный бело-зеленый дацан, окруженный невысокими постройками. Михаил полетел за монахом, который что-то говорил про историю храма, но почти все его слова тонули в несущихся над вершиной горы потоках воздуха.

Открылась дверь, и камера показала аскетично украшенный зал, в котором на вечерней медитации сидели монахи. Возможно, кто-то из них был персонажем его сна. Михаил, от волнения едва справляясь с управлением, облетел и постарался посмотреть в их лица, надеясь по одному из них что-то понять. Но это были просто лица. Светлые, добрые, но важной для него информации не содержавшие. Или он должен был просветлиться, чтобы ее увидеть?

Дрон замер и слегка повернулся в сторону, только когда монах у двери махнул ему рукой. Михаил попробовал полететь к лестнице, пытаясь показать, что хочет подняться на второй этаж. Дежурный пошел за ним, но шепотом сказал: «Хорошо, но там ничего особо интересного». И действительно, на втором этаже была небольшая комната с бумажными книгами, планшетами и древним видеопроектором. Можно было ожидать, что тут будут какие-то религиозные святыни, статуи или горящие благовония, но нет, помещение скорее напоминало библиотеку, чем лавку оккультных побрякушек.

Михаил выключил изображение и посмотрел в потолок

космолета. Пустота. Казалось, что кто-то играет с ним и картинка с дрона передает не больше, чем нужно. Он мог бы поехать туда, пообщаться с этими людьми и найти героя сновидений. Но это всё не сейчас и даже не потом, а после того, как найдет Блашиховски.

Сигнал с внутреннего экрана дал понять, что нужно вернуться к сервису. Он включился и направил дрон на первый этаж к выходу. За открывшейся дверью уже темнело, и монахи гасили один за другим фонари на территории храма. Беспилотник остановился у ворот, повернулся к дежурному и попытался изобразить поклон. Буддист понял его жест, улыбнулся и поклонился в ответ.

Внезапно ворота открылись, и на территорию монастыря вошли несколько монахов с рюкзаками и сумками. Один из них снял капюшон и поклонился дежурному. В этот момент тяжесть выплывшего из небытия воспоминания как будто вдавила Михаила в кресло. Это была она, это была та девушка, которую кто-то ругал в его сне за дзен-садизм! Он повернул дрон в ее сторону, и она подняла голову к нему. Слышны были голоса других монахов.

– Опять беспилотник.

– Только мешают, отдачи никакой.

Михаил смотрел на нее, а она смотрела в него. Сквозь камеру, сквозь тысячи километров и ночную тьму. Туда, в самую глубину, где всё начинается, где из пены нейроимпульсов каждую секунду рождаются его страхи и надежды. Туда,

где он не был Михаилом Корнеевым, и туда, где ему нечего было сказать. Туда, где он брел в одиночку по каменистой долине, оставляя после себя только отпечатки событий и шлейф из разрушающихся воспоминаний. И туда, где в горном мраке он завис в ночном небе.

– Вроде, один новичок в прошлом месяце пришел после видеоэкскурсии.

– Да он свалил через неделю.

Михаил не мог понять, это она была немного другой, чем во сне, или это его память присоединилась к отделу сновидений в бунте против хозяина. «Сталиньян» покрасила волосы, и что-то было еще...

Девушка протянула руку и дрон медленно и смиренно, как покорный ворон, спустился на ладонь. Секунда, и свинец непонимания в ее глазах сменился радугой улыбки. Второй раз за день он увидел, как сквозь тьму внутри и ультрафиолет на поверхности пробивается красный. Если бы из этой улыбки можно было сделать слово, то это было бы «ярадате-беявсёпонимаючтобынислучилосьявсегдабудурядом».

А потом она повернулась и со всего размаха бросила дрона в каменную стену ворот. Картинка вспыхнула белым светом и погасла.

Михаил пару минут просто смотрел в пустой экран, на котором высветились слова, так и не заставив себя в них вчитаться. Кто-то ходил рядом по салону, кто-то что-то гово-

рил, но ощущение, парализовавшее его сознание, ушло только тогда, когда он понял, что ему звонит Джэй.

– Привет... – она не дождалась ответа. – Привеет, ты выглядишь уставшим. Опять тяжелые сны? Я, кстати, прогнала твою проблему через новую психологическую нейросеть.

– Дай угадаю, – он устало посмотрел на виртуальную камеру. – Ничего серьезного. Больше отдыхать. Проветривать помещение перед сном.

– Почти, – она помолчала, просматривая на внутреннем экране рекомендации. – Еще своевременно проходить медобслуживание. Я записала тебя на завтра.

– Это не тема врачей, пока я не начну слышать голоса, резать вены или делать еще что-то понятное им.

– Эй, собери себя, или как там говорят? – она улыбнулась, пытаясь стряхнуть с него задумчивость.

– Джэй, – он посмотрел на спавшего рядом соседа и понизил голос. – Мне иногда кажется, что это не сны. Что это истории жизни настоящих людей. И я не знаю, как я с ними связан... Да, это звучит как-то глупо. И страшно. Но я хочу найти тех, кто мне снится.

Джэй промолчала. Он так и не понял, от удивления или потому что набирала на внутреннем экране номер психиатра. Вспомнил, что на Луну летел рядом с помешанным на снах Николаем, и, кажется, теперь должен занять его место в очереди на лечение.

– Тяжелый перелет, террористы, похороны друга, космо-

летное питание в таблетках, – из них двоих в этот момент только она ощущала почву под ногами.

– Джэй, я...

– Ты просто измотан...

Оба почти вместе замолчали, несколько секунд ждали, что другой что-то скажет. Михаил не мог решиться. Нет, он не готов, не тут, не среди всех этих людей. Нельзя ставить под угрозу ту, кто ценит его – кто знает, что эти Блашиховски могут сделать?

– Извини, я хочу поспать, – соврал он, надеясь, что без близкого контакта ее способность распознать ложь не настолько сильна.

– Да-да, конечно – она многозначительно посмотрела на Михаила. – Пусть тебе приснится что-то умиротворяющее. Рассвет на морском пляже, романтическая музыка, красивая девушка ... в фате...

Михаил улыбнулся.

– Что-то меня это не сильно умиротворяет. Давай пока не будем о женитьбе, я хочу разобраться со своими ночными демонами.

– Конечно, потому что с ангелочками я уже сама разобралась – соседские близняшки согласились бросать перед нами лепестки роз.

– Джэй, у людей брак – немного больше, чем церемония. Всё, пока, целую, – он выключил экран.

Ей удалось исправить его настроение, но эти как бы шут-

ливые разговоры досаждали всё больше. Чтобы иметь основание и дальше откладывать решение, он снова начал думать про вчерашних террористов и запросил приложение, которое выстраивало его сны в куски цельных сюжетов, поискать упоминание о Блашиховски.

«Найдено ... 6 снов». Программа показала ему, что некоторые из них были связаны временной линией, и он попросил последний перед сценой в больнице.

Киллер/25.03.2094

«Сквозь темноту слышу голоса».

– Кино, – неожиданно услышал Михаил сонный голос спящего соседа.

– Что?

– Вы извините, я невольно подслушал ваш разговор, и считаю, что вам снится кино, – он приоткрыл заспанные глаза и потянулся. – Конечно не обычное кино, а реалкино. Это новый жанр. Снимают на видеокамеры в глазах биоников и брэйннеты людей в обычных условиях, но всё по сценарию, с актерами, бюджетами, а потом проверяют через ваши же сны. Смотрят на всякие там нейроимпульсы и оценивают – понравилось фокус-группе или нет.

– А вы откуда это знаете?

– У меня племянник в этом бизнесе работает. Так вот, проверяют, потом подписывают с людьми договор о согласии. Кто против того, чтобы попасть в кино – тех, значит, замазывают на компьютерах. И потом смотрите себя на всех внутренних экранах страны!

– Простите, не очень в это верю. Я во сне ощущаю грусть и радость этих персонажей... – Михаил посмотрел на ухмыляющегося мужчину. – Так это что, актерская игра? Подождите, вот сцена, неужели можно было так снять, чтобы я чувствовал физическую боль?

Киллер/25.03.2094

«Сквозь темноту слышу голоса.

– Гжегож, та машина за нами уже десять минут едет. И она приближается.

– Да, я вижу ее. Приготовьте оружие. И все известные вам молитвы. Фелиппе, тебе придется тащить Фёдора, пока мы будем отстреливаться. Хотя он, кажется, скинул пару килограмм... литров крови, пока мы ехали.

Теряю себя в черном тумане. Сознание растворяется в нём и распадается на элементы с вопросом после знака «равно». Кто-то должен сложить их обратно.

Боль. Боль собирает всё снова, я снова я, и я сплевываю попавший на губу песок, пока тело разрывающимися от ужаса волнами сигнализирует мозгу о десятке пулевых ранений. Да он знает о них – видел каждый выстрел. Сжимаю зубы, чтобы не кричать. Еле приподнимаюсь на локте. Пустыня, как везде на Марсе, но рядом какой-то пролесок.

Всё медленнее, чем обычно. Тонны грязно-зеленого песка в воздухе, но я не слышу ветра. Так, я ничего не слышу. Поворачиваюсь назад и резко ложусь обратно – Блашиховски и Фелиппе ведут бой из-за фургона, а меня бросили на обочину за камни.

Постепенно начинаю слышать стрельбу. Вроде, звук и должен приходиться позднее изображения, не помню, где это

читал. Ползком поворачиваюсь. Их там десяток, не меньше. Фургон бронированный, но стекла уже разбиты. Фелиппе видит меня и взглядом просит залечь глубже. Куда глубже, друг мой? В ад, где меня уже ждут, поглядывая на часы?

Я выжил после боя с бандой Гнатюков, но сейчас сдохну от рук их биоников. Нет, я хотя бы спасу Фелиппе.

– Стойте... Не стреляйте. Я сдаюсь, – раздалась еще пара выстрелов, а потом всё смолкло. – Я сдаюсь.

Медленно поднимаю руки. Сажусь на корточки. Пять одинаковых биоников направляют на меня стволы. Эти трое шипят и крутят у висков. Плавно встаю, но борьба с гравитацией встречает меня звоном в ушах. Пошатываюсь, но побеждаю.

– Вам же я нужен, – переступаю через камень. По сложности как будто пилотирую самолет. – Я согласен ехать, куда вы там меня везете. Только этих отпустите.

Делаю еще шаг, вроде придерживаюсь маршрута, пусть и не по прямой. Хотя пилоты так и летают, по дуге. Тоже ведь где-то читал. Прохожу недалеко от разбитого фургона и обмениваюсь взглядами с Гжегожем. Он не выглядит довольным – конечно, такую машину изрешетили.

Иду. Один из биоников что-то кричит остальным, они выходят из-за своего фургона. В этот момент слышу крик «Толкай», и тут что-то происходит с марсианской поверхностью, я оказываюсь позади машины Блашиховски, недалеко от которой я, вроде, уже прошел. Слышу стрельбу, на меня кто-

то прыгает. Я ударяюсь о дорогу, от чего тело содрогает новая волна боли. А потом взрыв. Еще один. Опять чернота вокруг меня, но сейчас это дым. Фелиппе кричит. Стрельба. Всё смолкает. Я опять проваливаюсь, успеваю услышать только одно.

– Я просто вспомнил, что забыл на ручник поставить, а там две канистры с бензином. Бери его под руки, понесли».

Мужчина театрально поаплодировал.

– Обратите внимание на взрыв машины. В реальности герой должен был погибнуть от взрыва, он же возле фургона был. Всё постановка.

Михаил на секунду задумался.

– Я на днях был на космолете на Луну, который захватили террористы, и там был персонаж из этого сна... Так это что, тоже кино?

– Это китайцы, скорее всего, – мужчина развел руками. – У них такие бюджеты, что они могли бы снять захват Луны инопланетянами и все бы поверили...

– Дамы и господа, наш космолет готовится совершить стыковку с транзитной станцией «Россия-2», на которой вы сможете пересесть...

– Что? Уже подлетаем? – киновед зевнул. – Да вы не переживайте. Проверьте брэйннет, удалите шпионскую программу и назад – к здоровому сну. Ну или берите попкорн и присаживайтесь, вас ждет фабрика настоящих грез. И дрём в ва-

шем случае.

– ... До полной остановки космолета. Спасибо за выбор нашей авиакомпании.

Маршрутное аэротакси дождалось полной загрузки и начало спускаться сквозь облака, самые низкие из них были окрашены в синие и красные цвета. Михаил отчаянно гуглил всё, что мог найти про реалкино. Да, такой жанр действительно был, и почти всё, о чём говорил сосед, было правдой. Зрителями обычно были богатые заказчики, которые делали фильмы для себя самих. Корнеев не представлял, как можно проверить эту теорию.

«А может, это правда какие-то театральные постановки с актерами, только в реальной жизни? Неясно, для чего и сколько стоит, например, угнать космолет, но кто поймет это современное искусство? Может, и Николай тогда не погиб, а отряхнулся и начал учить новый сценарий? Ну или умер, и этот жанр предполагает реалистичность смерти».

Лететь в Качканар и жестко поговорить со Сталиньян? Непонятно, почему она должна признаться, что снималась в этой производственной драме из жизни буддистов. Да настоятельница могла и не знать, что ее включили в актерскую труппу.

Так, всё, надо остановить эти мысли, а то с ума сойду».

Он включил брэйннет, и новость дня смыла всю его усталость.

«Захватившие космолет террористы отправляют его на Солнце с марсианскими чиновниками на борту»

Михаил судорожно открыл полный текст.

«Агентство РИАР сообщает, что боевики, захватившие накануне космолет до Луны, выступили с политическими требованиями к правительствам Земли и Марса. В случае отказа они угрожают отправить на Солнце космолет с 30 чиновниками государств Полярная шапка и Вторая Поднебесная.

Открылось видео, на котором кто-то идет по салону того самого корабля, а на сидениях сидят мужчины и женщины в деловых костюмах. У всех во рту кляпы. Некоторые пытаются кричать, некоторые тихо режут, некоторые просто закрыли глаза в бессилии.

Камера поворачивается. Перед «пассажирами» включили большой экран, на котором пылает пока еще далекая звезда. Заложники, кажется, будут в прямом эфире смотреть, как приближается их смерть в виде желтого карлика. Захватчик проходит дальше в кабину пилота, где за штурвалом сидит бионик без каких-то признаков эмоций. Вероятно, ему промыли систему, оставив только одну программу – доставить всех в пункт В.

«Террористы выступили с заявлением, в котором потребовали от земных правительств разоружить марсианские государства, лишив их ядерного оружия. В противном случае они угрожают уничтожить заложников.

Президенту Российской Федерации уже доложено о происходящем. Министерство иностранных дел выразило озабоченность и требование вернуться к политическому диалогу. Министерство обороны заявило о том, что несколько солнечных зондов уже перенаправлены для поиска захваченного корабля.

Новость обновляется».

Комментарии (452)

Самсон

Ребят, вы нашего министра финансов забыли +143

demikloo

а что будет если они ночью на солнце прилетят? +41

В соцсетях #наСолнце – на первом месте в мировом тренде. Количество просмотров видео приближается к 2 миллиардам. Если это кино, то он сейчас видел лучшую промо-акцию в истории. Если это реальная жизнь, то киноиндустрия лишилась талантливых кадров.

Он долго обновлял ленту, но ничего, кроме комментариев комментариев, не было. В конце концов, просто вырубился с включенным внутренним экраном, который через полчаса перешел в спящий режим.

Страдалец, 22.09.2095

«Я иду по ночному городу со старыми зданиями и колесными машинами. Что-то из детства.

Длинный подъем по мосту – немного искусственных гор там, где стерлись настоящие. Пустые лица встречных прохожих с бесцельными улыбками и опять эти видения в голубом. Доктор говорит, что я должен бороться. Не давать им говорить со мной, не слушать, не смотреть, не верить.

Док, мне больше некому верить – у меня больше нет никого, потому что клятвы, сказанные тогда в тишине маленькой комнаты, я неспособен выполнить. Неспособен выздороветь и забыть тот мир.

– Давай к нам. Выйди в дверь, – шепчут проходящие рядом видения.

Уворачиваюсь от них, пугая «настоящих» людей. Страх в глазах прохожих, разочарование в глазах близких. Слишком много чувств сосредоточено в этих органах зрения. Но чем меньше в них любви, тем проще меня потерять. Я – недоразумение, гадкий утенок в стае волков. Остается только уйти самому, пока самокопание, лекарства и жалость не прикончили меня раньше.

Спускаюсь с моста, прохожу дома, где свет фар на секунду ловит лица в окнах, после чего они возвращаются к своей обычной миссии – переработке кислорода в углекислый газ

ради еще одной дозы гормонов.

Захожу в подъезд, встречающий меня парой соседских глаз и нелепыми ритуалами общения. Ползу на дребезжащем лифте в высоту. Выхожу, смотрю на дверь квартиры. Поворачиваюсь и вижу лестницу на крышу.

Понимаю, что вот эта дверь. Взламываю замок и вылезаю наверх, где все ветра этой ночи – мои. Смотрю вниз, где копошатся бывшие. Бывшие со мной. Бывшие, похожие на меня. Бывшие моей тюрьмой.

Видения слетаются и зовут туда, где я смогу быть с ними не только в виде больного. Смотрю вниз, на финальную локацию в этом пути. Сколько раз во снах видел эти кустарники и ощущал секунду, отделяющую десятый этаж от первого? Цементирующий мышцы страх сменялся радостью не чувствовать под собой ничего, а потом я вваливался в эту дверь. Вовне. Пришел извне, туда должен и вернуться.

Мое тело... роса слез застывает глаза, но я сильнее. Сильнее! Сильнее... Нет, кого я обманываю? Я опять не сделаю этого. Стоп, что-то важное еще было, о чем не подумал. Брошенная в пучину сознания водяная бомбочка воспоминания вступает в реакцию и начинает бешено окрашивать всё, пока не всплывают буквы.

«Это всё сон».

Кто-то говорил мне, что я могу жить тут, когда пойму, что всё недостаточно реально. Поднимаю правую руку и смотрю на неё. Это я... Я... смотрю, а не он.

Впрочем, пена сходит, и он читает эти буквы по-другому. Это всё сон, и я должен быть вовне. Шагаю...»

Forever young

Я

/

23.09.2095

«Я уже был тут. В прошлый раз мы приземлились на этом Богом забытом и потерянном спутнике. Хотя нет ничего более странного, чем быть забытым Богом, если ты спутник Юпитера. Тогда мы едва не погибли от гейзера, который пробил многокилометровый ледяной панцирь и выбросил в космос тонны льда. Сейчас уже водрузили над этим районом буровую станцию и готовим лазерную установку, чтобы расширить проход ко внутреннему океану.

Нам надо пройти ... нет, не пройти, а пропрыгать сотню метров, стараясь смотреть себе под ноги, а не на эту мраморную серо-коричневую махину в небе.

– И много там урана?

– Много, – наш капитан сегодня был особенно раздражен. – Так много, что наши дети будут гулять под ночными огнями от энергии его распада. Хотя тебе как раз не светит это увидеть, если продолжишь устраивать себе встречи со смертью.

Хотел бы я сейчас послать кэпа подальше. Вот уж кто регулярно ходит со смертью на свиданки вслепую. Но вме-

сто этого я просто говорю: «Так точно, товарищ капитан». А дальше слышу музыку. Меньше всего на свете ты ждешь музыку в тот момент, когда в скафандре идешь по неровному льду нелепой планеты и поминутно поднимаешь глаза в космос, пытаешься угадать, в какой стороне Земля».

Михаил проснулся под орбитальные переливы древних синтетических клавишных. Потом кто-то запел на староанглийском. «Небеса могут подождать, пока мы смотрим на небо». Интересно, на небесах знают, что парни на самом деле смотрят не на них? Повернулся, наблюдая, как на стенах комнаты включается проекция рассвета над Байкалом. Их кровать вдруг стала плотом, покачивающимся на волнах озера. Джэй смотрела на него и, кажется, хотела, чтобы ее похвалили. Он нервно хихикнул.

– Что? Я в этот раз читала комментарии к видео, там сказали, что это песня из времен, когда музыка что-то значила, – Джэй попыталась ударить Михаила подушкой. Он увернулся и обнял ее за талию.

– Так себе песня. И это так неловко – просыпаться и понимать, что ты изучаешь, как я сплю.

– Неловко как раз то, что ты спишь, хотя большинство уже отказалось от этой романтической привычки. Что-то из тех времен, когда все люди курили сигары и женились друг на друге, – она осеклась, увидев, как Михаил переменялся в лице. – Не, я просто так сказала, мы ведь договорились не

поднимать эту тему. И вообще тебе в душ пора, через час тебя ждут в клинике. Кофе почти готов.

Он свесил ноги над «плотом». Под его ступнями плескались голографические рыбки.

– Эй, тут ты можешь ходить по воде аки посуху, – она рассмеелась. – Или проложить тебе путь сквозь толщу вод?

Мгновение – и на глади озера материализовался деревянный мост в ванную.

– Вот согласишься, странно было бы, если бы человек женился на владычице морской, – рассмеялся Михаил, уворачиваясь от еще одной подушки.

Никогда не ссорьтесь с женщиной, которая регулирует температуру вашего душа. Тех трех секунд, пока вы будете визжать от ледяного шока, ей хватит для того, чтобы удовлетворенно хихикнуть, крикнуть «Ой, прости, пожалуйста» и вернуть ваши законные 38 градусов в этой ее программе.

– Кстати, я хотела спросить, – она сидела за кухонным антигравити-столом с двумя чашками настоящего кофе и таблеткой овсянки. Её одеяние «переключилось» с ночной рубашки на легкое цветное платье, – Вот эта песня... она же про то, что люди не хотят погибнуть на войне?

– Вроде да.

– Тогда для чего эти красивые слова про небеса и вечную жизнь? Почему бы просто не сказать: «Не бросайте бомбы»?

– Никто не услышит. Самый прямой путь к человеческим сердцам – через небеса. Кстати, с бомбами тот же принцип

работает. Так, что важного в ленте?

– Космолет продолжает лететь на Солнце, – Джэй открыла внутренний экран и потому смотрела как будто сквозь него. – Татьяна Березина запостила новость про 122-летнюю певицу, которая выходит замуж за 35-летнего подростка. Канал «Думаинсайд» пишет, что в Госдуме решили поднять пенсионный возраст.

– Пятый раз за 80 лет? А я сразу говорил, что это плохая идея – сделать депутатами Госдумы биоников с искусственным интеллектом.

– У Дмитрия Таранова дочка родилась, биологическая, – она сменила тон с равнодушного на умильный.

– Ты поздравила от меня?

– Да, лайкнула, прокомментировала, немного пообщалась. Но у него там тоже домашний бионик отвечает, так что я..., – ее взгляд снова упал куда-то сквозь него и как будто погрузился. – О, твоё такси прилетело...

«В этом городе всё время всё менялось, даже облачность была переменной. Не помню, кто это сказал. Полет в такси выше небоскребов не может не настраивать на такие нелепые мысли. Эта биониха думает, что изучает людей и хочет свадьбу ради фаты, букета невесты и нелепой женщины, которая скажет «хочу Любовь провозгласить страной». Но нет ничего глупее, чем брак с роботом, который при следующем обновлении станет совсем другим ... нет, не человеком, конечно. Да при любом обновлении она останется хо-

дядчим калькулятором с эльфийскими ушками. И красивым смехом. Красивым и искусственным. Да неважно».

В шоу-руме медицинского центра было немногочленно. Одинокие утренние гости осматривали новые модели обнаженных манекенов мужчин и женщин, выбирая новую внешность для домашних биоников или варианты исправления собственных совершенных тел. Зала с новыми совершенными душами по-прежнему не было.

– Добрый день. У меня сегодня техобслуживание по случаю 40 тысяч дней.

– Здравствуйте, документы, пожалуйста, – бионик за стойкой не понял его шутку про техобслуживание. Он сосканировал документы с брэйнета Михаила, после чего включил этот «взгляд сквозь». – Михаил Дмитриевич, рады видеть вас. Спасибо, что обратились в наш медицинский центр. Давайте проверим, что нам предстоит сделать. Итак, сегодня мы меняем печень, удаляем потенциально раковые клетки, регенерируем кожу, чистим сосуды и восстанавливаем их стенки наноботами, также проверяем работу сердечной мышцы и спинного мозга. Что-то дополнительно?

– Да, проверьте ту часть мозга, что отвечает за сны. Что-то они не нравятся мне, – Михаил попытался вспомнить, как долго это всё длится. – Последнюю пару тысяч дней.

Через минуту к нему подошла миловидная девушка в медицинском халате.

– Михаил Дмитриевич, добрый день. Рада вас видеть. Я

Милана, я буду проводить сегодня ваше медобслуживание.

Они шли по длинному светлому коридору, на стенах которого из пустоты всплывали портреты счастливых мужчин и женщин. Очевидно, это были клиенты центра, чьи жизни радикально изменились после разглаживания морщин или замены больной головы на здоровую.

– Милана, а это вы меня в прошлый раз оперировали? Я вроде помню вас.

– Вряд ли. Я всего год в этом центре работаю, – она неловко улынулась. Непохоже было, что пациент пытался её клеить. – Ну и я бы запомнила, если бы оперировала героя войны на спутнике Европа. Кстати вот ваша палата, проходите, переодевайтесь. Я правильно поняла из анкеты, что по каким-то вопросам во время операции мы можем звонить вашему бионику?

– Это биониха. Джэй-2090. Я имя ей не придумал, так что она просто Джэй. Но я надеюсь, это не понадобится.

Антигравитационная койка в светлой палате. Укол антигравити-наркоза и немного легкого настроения. Последними, о ком Михаил подумал перед антигравити-сном, были братья Блашиховски и их звездный крейсер...

После отъезда того, кого она все еще считала своим женихом, Джэй снова попыталась почитать книгу, стараясь выяснить, какой из миров более реален, понятный или запутанный. Сюжет плутал и перепрыгивал из клетки в клетку, от-

чего главный герой, казалось, начинал сходиться с ума.

Она была уверена, что его спасут новые отношения и та, на которой он должен жениться. Но периодически открывающееся окно в другой мир с влетающими оттуда фигурами продолжало ее беспокоить. Это было другое окно, не то, откуда в жизни персонажей появлялись авторские метафоры и из которого подчас сильно сквозило.

В этом просвете открывалось что-то особенное. Человеческий мозг создавал целые миры, так непохожие на уютные домашние пространства и оттого трудные для понимания типовым биоником. Джэй смотрела на людей и понимала, что она почти неотличима от них в толпе, но если вспомнить, какие сюжеты проигрываются в их головах в эту секунду, то можно ощутить себя фокусником на съезде волшебников.

Человек конструировал сказочные пространства и времена и верил в них больше, чем в самого себя. Да, окружающие замечали, если персонаж слишком далеко выпрыгнул из этого мира. Но сам мозг не видел разницы между пузырями. Потому лучшие из магов научились прятаться за красивыми объяснениями и жить в двух галактиках сразу, иногда вовремя успевая влезть в окно, а иногда оставляя близким лишь свою тень с силуэтом фигуры из другого измерения.

А еще она заметила, что люди в своих головах создают галактики из кирпичиков обычной жизни. Кто-то из слов, кто-то из шахмат, а кто-то из боли. В ход мог пойти абсолютно любой строительный материал, что, по мнению Джэй, озна-

чало только одно – в человеческом сознании спрятана нано-фабрика, разбирающая на атомы материю пережитого прошлого и сцепляющая их в воздушную ткань новой расширяющейся вселенной.

Впрочем, больше всего в представителях соседнего биологического вида её поражала готовность выйти в другой мир, несмотря на все нити этого измерения, опутывающие их и вяжущие морскими узлами. Некоторые не нуждались в доказательствах существования Мультивселенной, потому что ежедневно просачивались сквозь невидимую мембрану, отделяющую ее внутренний терминал от межпланетного.

Наконец Джэй решила, что на сегодня обучения человекометрии достаточно, и включила спящий режим, напоследок подумав о том, что надо посмотреть что-то из снов с брэйннета Михаила.

Я/23.09.2095

« – Всё, мужчина, вернитесь на место.

– Сейчас. Мужики, ну что там?

– Стойте. Глеб, вот тут нужно через паузу, погромче и как будто вам очень интересно. Вы не просто произносите пароль для сообщника, вы от лица всего салона хотите получить надежду на скорейшее восстановление.

Я в большом зале, похожем на школьный баскетбольный. Рядом со мной мужчины, женщины, бионики. Кто-то с включенными экранами, кто-то с планшетами. В центре круга – взлохмаченный бородатый мужчина с листками бумаги.

– Мужики... Ну что там?

– Вот, только побольше наглости. Вы заплатили большие деньги, а ваш космолет застрял. Они должны вам.

– Мужики... Ну что там? – Глеб еще сильнее понижает голос и позволяет себе сбросить напускную интеллигентность.

– Да, тут звуки борьбы, дверь открывается, вы ловите пистолет. Приставляете к виску Кэй-17. Да. Кэй, бионики не умеют так пугаться, так что спокойнее.

Пара снова возвращается и повторяет захват, на этот раз бородач доволен.

– Где ключ от кабины пилота? – рычит Глеб.

– Хорошо!

– У меня нет, нам не положен, – девушка изображает попытку сдержать страх.

– Так, Николай.

– Оставьте ее, – «сосед» внезапно вступает в свою роль.

– Не с места, ты же не хочешь, чтобы я начал стрелять в космолете посреди ничего? Всем не двигаться! Милая, я точно знаю, что у тебя есть ключи. Давай ты просто отдашь, иначе я убью этого... этого...

– Джентльмена.

– Джентльмена!

Режиссер вскакивает.

– Глеб, вот тут эмоциональный момент, вы должны показать, что легко убьете человека. Ваш язык тела должен говорить об этом – попробуйте не прятаться за Кэй, а слегка повернуться к Николаю, чтобы видно было, что вы готовы выстрелить.

– У меня нет ключей.

– Бам, – Николай вскрикивает и медленно опадает на стул.

– А хорошо, мне нравится.

– Молчать! ... Ну, сколько еще надо убить, чтобы ты перестала думать, что жизнь остальных, – он осекся, вспоминая слова. – Ценнее? Половину? 99 процентов?

– Бам, – падает мужчина с 1D, глядя, как кивает бородастый.

– Гриша!

– Сколько еще? Сколько? Где ключи? Просто отдай мне

ключи, и я пощажу всех. Мы пересадим вас на технический борт, и вы останетесь живы.

Он направляет «пистолет» в мою сторону. В мою. Я пробую управлять этим сном. Двигаю головой и понимаю, что все чего-то от меня ждут.

– Михаил? Бросайтесь на него.

Молчу, все смотрят на меня. Неловкую паузу прерывает «захватчик», который встряхивает руку и снова направляет на меня оружие.

– Извините, у меня что-то текста нет.

– Просто прыгните на Глеба и попытайтесь выбить оружие, – режиссер растирает лоб.

Я медленно встаю и неуверенно отряхиваюсь. Вижу раздражение на нескольких лицах. Подхожу к парочке и хватаю руку с пистолетом-маркером. Он картинно в замедленной скорости меня бьет, я отвечаю, Глеб падает, я замахи-ваюсь и в этот момент получаю вымышленный удар в голову ногой с армейским ботинком. Падаю на спину, вижу еще один маркер перед лицом.

– Бам! Ты умер.

Я умер. Умер. Должен был умереть. Интересно, понравилось ли им, как я умер?».

– Ну как он тут? – Милана Мигунова вошла в палату к Михаилу Корнееву, который лежал на антигравитационной койке.

– Мы завершаем все процедуры. Скоро проснется, – медицинский бионик Кэй-934 развернул перед ней голограмму тела.

– Со снами так и не смогли разобраться?

– Нет, – Кэй увеличил карту мозга. – В гипоталамусе всё хорошо. Чистили нейросети от токсинов и во время быстрого сна некоторые были слишком активны, но в целом никаких аномалий. Наверное, надо к психотерапевту его направить.

– Или сразу к шаману.

– Что?

– Ничего. Будите.

Милана подошла к пациенту, который как будто левитировал в метре над полом. Умиротворенное выражение лица в дреме постепенно сменялось напряжением реальной жизни.

– Михаил... Михаил... Добрый день. Как себя чувствуете? – он начал открывать глаза, сознание медленно возвращалось.

Корнеев в нерешительности осмотрел операционную. Он покрутил головой, взглянул на свои руки и, кажется, с удивлением обнаружил себя на антигравитационной койке.

– Хм..., – он неуверенно прокашлялся. – Доктор, где я?

– Таак... Кэй? – но бионик только развел руками. – Вы в клинике «Молод навеки», мы проводили медобслуживание, обновили ваше тело, почистили нейроны мозга. Я доктор Мигунова, вспоминаете?

Он попытался сесть, чуть потерял равновесие, но удержался. Уставился в пол, снова посмотрел на свои руки, потрогал лицо. Оглядел палату, запинаящимися шагами подошел к панорамному окну и тут же отпрянул, как будто не ожидал увидеть бурный поток летящих машин на уровне 47 этажа.

– Пойдите, – Милана попыталась остановить Корнеева, когда тот собрался выйти из палаты. – Михаил, вы осознаете, где находитесь?

Он не ответил, лишь открыл дверь и остановился перед экраном с всплывающими лицами довольных клиентов. Подошел вплотную и, кажется, смотрел не на картинки, а на свое отражение. Ощупывал лицо, как будто проверял на прочность и эластичность.

Повернулся к Милане и Кэю.

– Зачем вы это сделали? – прошипел он.

– Сделали что?

Михаил подошел к ней совсем близко.

– Зачем вы посадили меня в это тело?

– Так, Кэй, усыпляем.

– Помогите, тут людей на органы продают, – он начал кричать в пустой коридор, но сигнал уже дошел до клеток мозга, и тело рухнуло на руки врачам.

Глаза были открыты, пока его несли на койку, и перед погружением в темноту он успел прошептать только одно.

– А знаете, доктор, я ведь не Михаил...

– Кэй, какого черта? – она много раз давала себе обещание не срываться на биоников, но недели без сна и эта заторможенность медицинских андроидов давали ей небольшое оправдание для раздражительности.

– Милана, я надеюсь, вы понимаете, что я никакие органы никуда не продавал?

– Я тебя сама сейчас продам. Кому они нужны, 3d-принтеры на каждом углу. Что с пациентом?

– Ну... он несет бред. Скорее всего, это последствия наркоза.

– Нет, Кэй. Он нес осмысленный бред, а не рассказывал про видения с единорогами и психотерапевтами. Немедленно запускай глубокую проверку нейросетей!

Милана выдохнула, слегка успокоилась, подумала о том, что нужно вызвать еще одного бионика в подмогу Кэю, а ее мозг не мог отпустить эпизод с последними перед сном словами Михаила. Или кем он там себя считал? В работе ее команды была какая-то ошибка и нужно проверить все возможные варианты, даже шизофрению из-за повреждения нейросетей.

Медобслуживание должно было длиться 6 часов. Джэй ждала до вечера. Абонент был недоступен. Снова и снова. Администратор клиники ей сказал, что операция пока продолжается. Потом – что пациент отдыхает. Она просила кого-то из врачей с ней связаться. Ей позвонили только следующим утром.

Марсианин/23.09.2095

«– Это ведь я помогла тебе после обнуления.

– Спасибо тебе.

– Нет, ты не понимаешь. Многие после обнуления остаются овощами, их же нужно учить всему снова.

– А ты меня спасла, спасибо.

– Да, я тебя спасла, на минуточку. Занималась с тобой на рудоуправлении. А ты не ценишь ничего, – она начала всхлипывать. – Всё время проводишь в этом своем ... гараже. Даже с детьми не поиграешь, не поговоришь с женой.

– Я же сейчас говорю с тобой, – подхожу к детям, достаю из кармана стикеры и карандаш. Пара штрижков. – Коле робот, Мите – собачка.

Дети радуются маленьким рисункам, но звук бензопилы всё еще стоит в ушах.

– Ты куда опять собрался? А?

Подхожу, пытаюсь поцеловать, но она сегодня так не выключается.

– Ответь мне, опять в гараж? И когда пойдешь к врачу с кишечником? У Нины вот мужу операцию делали, это не шутки...

Закрываю дверь. «Она орет, но, по сути, права. Надо что-то делать, невозможно терпеть эти судороги постоянно. Запишусь к врачу. А пока нужно отвлечься, тогда не так болит.

Так, еще раз всё осмыслить. Он не мог не подстраховаться. Да, копы не нашли ничего ни в Его доме, ни в Его сетях, но где-то должен быть сейф. Такая прорывная разработка не могла пропасть».

Иду по двору с темно-зеленой пылью, наблюдая, как вдалеке готовится искусственная дождевая туча. Понимаю, что на ходу стучу себя по животу, и тут вспышка осознания освещает грязную пещеру моего ума. Бегу, трясущимися руками открываю гараж, бросаюсь к холодильнику с медикаментами. Стерилизую иглу, подключаю к нейроадаптеру, сбрасываю рубашку и мажу живот спиртом. Вот сейчас я узнаю.

Ввожу иглу. Кажется, задел сосуд. Кровь. Еще. Не отвлекайся, ищи нерв. Нейроадаптер вибрирует и писком сигнализирует мне, что нащупал сеть. Давай же – не знаю, сколько тут протяну! Прижимаю вату к ране, она моментально окрашивается в пурпурный. Еще вату. Ищи! Прижимаю сильнее, но от этого нейроадаптер только соскакивает с нерва. Снова поиск, снова писк. Держу тубик с биопеной. Надо успеть залить, когда буду терять сознание.

– Давай!

Тишина. Картинка темнеет. Я не продержусь долго. Не вижу ничего, наощупь открываю одной рукой тубик. Буду ждать, пока... и в этот момент слышу длинное гудение. Он нашел!

– Нашел!

Они стерли мое сознание. Почистили все нейросети го-

ловного и спинного мозга. Уничтожили Его личность и всю память о великом деле, которое Он планировал. Всё, чтобы новый Я не мог стать новой версией Того. Чтобы вечно чинил биоников рудоуправления и выращивал овощи для начальства. Но они забыли про нервную систему кишечника, автономную от мозга. Она отвечает за сокращение стенок мышц, но она состоит из нейронов, а значит, в ней можно оставить информацию. Код. Перед стиранием личности Он записал туда код программы, и теперь я смогу продолжить начатое. Если выживу сейчас».

Ты моей никогда не будешь

Физик/24.09.2095

« – Добро пожаловать на Меркурий, – светловолосый бионик в серебристом костюме помогает нам выбраться из «кабины космолета». Двигаясь слегка механистично, как все андройды первых поколений, он приводит нас в темный зал, на дальней стене которого через узкую длинную полосу пробивается мощный свет.

– Включите затемнение экрана в своих скафандрах, – робот проверяет, выполнили ли мы его просьбу. – Вы готовы?

– Да! – слышу я твой голос в динамике, и узкая полоска начинает расширяться, наполняя зал ослепляющими лучами. Мы обнаруживаем себя стоящими на огромной скале посреди серо-коричневой пустыни. Вижу, как ты любишься отражениями света на перчатке своего скафандра.

– Папа, мне так нравится в Музее Солнца!

Мне что-то хочется сказать тебе, но бионик начинает рассказывать нам про то, что Солнце миллиарды лет сжигало планету Меркурий, про первые неудачные попытки использования всего этого тепла, про современные научные базы под управлением искусственного интеллекта...

В этот момент я, кажется, теряю себя во сне.

– Паап, паапа, – возвращаюсь только когда мы «летим в космолете» и меня немного укачивает, но тебе явно весело. – О чем ты задумался? Опять о своей книге про то, что мы все

живем в компьютерной игре?

– Там все сложнее, детка. Это может быть не игра.

– А вот мама говорит, что если мы все живем в компьютерной игре, то где-то должен быть экран, через который на нас смотрят, а его нет.

– Мама говорит ... А ты-то сама что думаешь?

– А я не хочу жить в игре, – ты задорно смеешься. – Потому что тогда мой вчерашний сон про принцесс будет не взаправду.

Мне хочется улыбнуться тебе и просто потрепать по щеке. На секунду кажется, что я могу контролировать руку, чтобы дотянуться до тебя, но потом это ощущение проходит. Вероятно, со стороны казалось странным, как я смотрел на свои перчатки скафандра.

– Папочка, ты у меня такой забавник... Или как там это слово?»

«Что если врачи ошиблись в его настройках и он никогда не узнает меня? Что чувствуют бионики, от которых отказываются люди, до того момента, как им обнуляют память? Может, это похоже на то, как он отказывается от блинов, которые я только что приготовила? Только сильнее. Насколько сильнее? До небес? Никак не пойму, как люди пользуются этими красивыми фразами».

Джэй постучала. 5 секунд. 10. Еще раз. Ничего, кроме слабого эха в длинном и пустом коридоре клиники. Эмоцио-

нальный блок отозвался ощущением одиночества в холодной полутьме. Нажала на ручку двери, та с легким щелчком открылась.

Внутри тоже было мрачно, но сквозь матовое стекло еще одной двери пробивались лучи света.

– Вот и думайте, в чем дело, – где-то в глубине зала девушка в белом халате кричала на двух медицинских биоников. Свет был выключен, но в воздухе висела огромная голограмма с миллионами желтых огней, соединенных такими же желтыми нитями. – Почему вчера работали одни нейросети, а сегодня другие?

– Добрый день. Я бионик Михаила Корнеева, мне нужна Милана Мигунова.

Разговор на повышенных тонах стих, к ней подошла темноволосая девушка, которая явно пыталась подавить свое раздражение, чтобы начать неприятный разговор дружелюбно.

– Здравствуйте, подойдите сюда, ничего ж не видно. И дайте на «ты», – теперь они стояли друг против друга внутри голограммы, среди гирлянд огней, которые посекундно вспыхивали и затухали. – Джэй, у Михаила Дмитриевича есть какие-то родственники или близкие друзья? ... Я имела в виду...

– Милана, простите, как вас по отчеству?

– Давайте просто Милана, без отчества.

– Насколько я знаю, никого нет. Кроме цифрового двой-

ника его погибшего друга с войны на Европе и приятелей-сослуживцев.

– Хорошо, тогда вам расскажу. У нас возникли некоторые сложности. Мы провели все необходимые по регламенту процедуры для медобслуживания 40 тысяч дней. Но когда мы начали проверять, как работает его мозг во сне, как он просил, – Джэй подумала, что она как будто специально выделила голосом эту фразу. – Михаил впал в кому. Мы смогли вернуть его через несколько часов, но он ведет себя странно. Не понимает, где находится и кто его окружает. Мы обнаружили, что его нейросети работают не так, как раньше. Уверена, что всё восстановим, но хотелось бы, чтобы вы пообщались с ним – он как раз скоро проснется.

Милана ненавидела такие моменты. Нет, это часть ее работы – в чрезвычайных ситуациях рассказывать всё близким, но как это сложно, когда этот близкий – бионик. Кажется, что даже та сотня нейронов, чьи голограммы сейчас светятся на лице, волосах и треугольных ушах Джэй, были способны на большие эмоции, чем сама Джэй с ее глупеньким личиком. И по закону ей надо было советоваться с этим существом. Радовало, что по тому же закону подать в суд на клинику бионик не может.

– Послушайте, Михаил Корнеев – герой войны на Европе, – Джэй трудно было сосредоточиться на речи, пока она наблюдала за всеми этими огоньками и понимала, что говорит о Михаиле, находясь в голограмме его мозга. – Это плохо

повлияет на репутацию клиники, если окажется, что такой человек в вашем центре лишился оперативной памяти...

– Проверьте лобное ингибирование системы зеркальных нейронов, – если нельзя кричать на биоников клиентов, то медицинские бионики все стерпят.

– Там все хорошо, – отозвался голос откуда-то из лобной доли.

– Милана, вы должны починить Михаила, – Джэй смогла отвлечься от пульсирующих вокруг них нейросетей. – Он прожил великую жизнь и не заслужил объятий забвения.

– Конечно, мы постараемся, – Милана смягчила голос то ли из-за не к месту вставленного поэтического выражения, то ли решив, что на Джэй подействовали ее крики. – Он скоро проснется. Я провожу вас к нему. А вы продолжайте искать, проверьте путь 3.

Михаил очнулся в светлой палате в 10 сантиметрах над поверхностью антигравитационной койки. Его взгляд медленно фокусировался на бесцветных стенах. Он посмотрел на свои руки.

– Землячок, как самочувствие? – еще одна из четырех коек принадлежала русому мужичку из тех, для кого технология замены органов открыла врата к вечному веселью. – А я думаю, ты или не ты? Михаил Корнеев же, ты ж со Вторчика?

– А?

– После операции что ль? Молодец, следишь за здоро-

вьем. Я вот тоже пятую печень меняю, – он понизил голос. – Мне родная 40 лет служила, а это их барахло только семь лет выдерживает.

Михаил попытался встать, но голова закружилась, и его рука уперлась в невидимый матрас койки.

– Эй, братуха, ты чего? Позвать кого?

– Братуха, не. Скажи лучше, где мои вещи.

«Скорее, надо найти документы. Нельзя, чтобы они все узнали».

– Да вон за койкой нажми.

Из стены плавно выполз длинный ящик. Михаил начал поспешно одеваться, преодолевая слабость. Посмотрел на браслет, неловко надел его, в голове заработал внутренний экран. «Это что-то вроде интерфейса «мозг-компьютер». Так, Михаил Корнеев, 1986 года рождения, военный пенсионер, партнер – бионик, родственников нет. Зачем? Зачем это всё?»

В этот момент открылась дверь, в палату вошел пожилой мужчина в белом халате. Внутренний экран распознал в нём главного врача клиники С.В. Ямских. Во время, когда все носили тела 20-30-летних, Сергей Викторович был в теле 60-летнего. Ему казалось, что это придает солидность и схожесть с великими мыслителями прошлого.

– Ну как тут поживает наш герой войны? – его настроение было слишком бодрым для этого тяжелого утра.

– Хорошо всё, – Михаил натужно улыбнулся, застегивая

вторую сверху пуговицу льняной рубашки в третью прорезную петлю.

– Вот, а мне говорили, что у вас частичная потеря памяти, когнитивные нарушения, – доктор развел руками. В эту минуту в палату вошли Милана с Джэй и удивленные замерли.

– Память в порядке. Помню всё, как вырос на Вторчермете, как воевал на Европе, эту девушку помню, – Михаил улыбнулся Джэй, на этот раз более естественно.

Джэй подошла и нежно посмотрела ему в глаза. «Тот самый бионик. Так, надо обнять ее посильнее».

– Милана, голубушка, наш герой войны жив и даже вполне себе здоров, – главврач хотел пошутить про излишне крепкие объятия, но, посмотрев на коллегу, понял, что лучше не надо.

– Сергей Викторович! – она недовольно свела руки на груди. – Нам надо его проверить. Вчерашние нарушения имеют какие-то причины. Провалы в памяти могут быть симптомом серьезного заболевания.

– Михаил, если все же произойдет такое, что не сможете сообразить, зачем шли, куда шли – звоните нам. А вы, барышня, наблюдайте. Выписываем! – громогласно объявил главный врач и потянул Милану к выходу. – Он все помнит, и у нас нет оснований его удерживать. Я знал одного такого солдата, так он...

Автопилот такси выбрал нижний путь, так что они летели

между небоскребами, чьи композитные стены переливались в тон рассвета.

«Восьмиминутные фотоны достаточно сильны, чтобы окрасить многовековой город в свой цвет, а я не могу найти выход и, главное, причину».

Михаил односложно отвечал на все расспросы Джэй и, кажется, много читал на внутреннем экране.

– У тебя правда нет провалов в памяти? – она не понимала, что ее больше беспокоит, слова врача или перемены в его поведении.

– Честно говоря, некоторые вещи я не помню, – он отстраненно смотрел на город. Непонятно было, где его сейчас больше, с этой стороны окна или с той. – Но постепенно всё вспоминается. Ты не переживай.

Только на последней фразе он повернулся к ней, но Джэй не хотелось выяснять, что это, желание успокоить или страх не посмотреть в глаза во время вранья.

По возвращению домой бионик предложила включить старые фильмы, но человек только меланхолично глянул «сквозь нее», хотя не было похоже, что он в восторге от сибирских пейзажей на стенах. Несколько часов Михаил лежал в кровати, уткнувшись во внутренний экран, а Джэй сидела за столом спиной к нему и перечитывала классику, пытаясь понять, какой из миров шахматиста более реален, там, где есть шахматы, или где их нет.

Дело было не только в нарушении обычного распорядка

их жизни, хотя после кино ее обычно ждало время миллиона сенсорных вспышек в его объятиях. Что-то было еще. Он был отстраненным, но это могло объясняться послеоперационным синдромом. Он был далеко.

Михаил внезапно вскочил и начал собираться.

– Ты куда?

– На встречу ... на встречу со старым знакомым.

– Вызвать такси? Мне можно с тобой?

– Я уже вызвал. Нет, нельзя, – холод и отстраненность сменились раздражением. Он пошел к выходу.

«С тобой нельзя, значит, за тобой можно», – подумала Джэй, провожая его на парковке аэротакси на 50 этаже. Минута, и еще одно такси приземлилось на ветреной площадке. Включенный трекер в браслете Михаила, минимальные пробки и немного надежды, что он не станет смотреть на ее местоположение на карте, – вот что ей сейчас нужно.

– Едем за этим маркером, держимся не ближе 100 метров – скомандовала она автопилоту и переслала тег в экран такси, который зажегся зеленым, после чего машина с легким рычанием поднялась над площадкой и рванула сквозь город.

Михаил летел по нижней транспортной системе, разглядывая неровные ряды домов, стены которых были превращены в огромные экраны. В дневное время суток искусственный интеллект, управлявший изображениями, старался заразить жителей рабочим настроением, и сейчас Корнеев проплывал перед черными картинками на желтом фоне. Фи-

гуры напоминали кляксы из теста Роршаха, всплывающие или переливающиеся друг в друга.

Непонятно, как завораживающий танец чернильных капель на лимонном фоне мог повышать производственную эффективность, но на прохожих и проезжих он действовал гипнотически. Казалось, ты погружаешься в этот мир, и тебя медленно выветривает из вселенной стрессов и дэдлайнов.

Искин экранов не давал глазам привыкнуть – размытые пятна то становились четче, то снова разъезжались в перспективе, после чего плавное движение точек сменялось медленной пульсацией волны, мозг уставал искать логику в этом хаосе и растворялся во внутреннем океане тишины.

Монах/24.09.2095

«– Томас, бриф!

«Дзен и искусство ношения бревен». Я скоро буду готов написать книгу с таким названием. «Куски дерева натерли вам руки? Подумайте, как глубоко уходит ваша боль?» Отличная тема. Или, скажем, «Миллионы мыслей проносятся в вашем сознании, пока вы таскаете бревна? Поймите, что вы на самом деле ничего не таскаете, а слушаете обезьяну в своей голове и просто держитесь за деревяшку, чтоб никто вас не раскусил».

Мы с Кольей несем очередной обрубок дерева. Крутой склон, комары, зудящие ладони и да, миллионы мыслей. Дышу. Вдох-выдох. Разглядываю отслаивающуюся кору на бревне. Слежу за словами, образами и мелодиями, пролетающими в моей голове. Учусь принимать их такими, какие есть, и отпускать на свободу. И тут одна из настоящих лесных птиц садится прямо передо мной на отрубленный сук сосны и начинает долбить его. Тук-тук.

Пугаюсь то ли птицы, то ли принесенной ею мысли. Неужели медитация и все эти духовные практики помогли мне выключить второй голос в голове? Теряю равновесие. Спотыкаюсь, бревно валится из рук, ударяет Колью по спине, падает на каменистый склон горы и с грохотом катится вниз, где монахи с трудом успевают увернуться.

– Томас! – слышу ее крик откуда-то снизу. – Придется применить к тебе жесткие методы!».

– Томас! – Михаил проснулся с именем персонажа его сна и желанием найти этот монастырь, но тут же вспомнил о человеке, которому он должен был нанести визит первым.

Город захватывал все новые пространства у земли и воздуха. Небоскребы стремились ввысь и вглубь земли, что казалось странным, учитывая постоянный спад рождаемости, о которой уже никто не беспокоился – рабочие руки и семейное тепло всегда можно было найти на фабрике биоников. Взрывной рост производства андроидов раздувал территорию города, заставляя силы его гравитации всасывать в себя все новые спутники.

Вот и сейчас машина остановилась в месте, которое Михаил еще помнил деревенской окраиной с дачными участками и электричкой по расписанию на жестяной доске. Ныне это был спальный район с 20-30 этажными домами, в центре которого как по трафарету вырезан квадратный километр для тех, кто согласен хранить свое прошлое в сырой земле.

Корнеев ввел фамилию и имя в справочном табло и получил в брэйннет чек с номером и маршрутом. Всё сильно изменилось с его последнего прихода сюда. Нет, кое-где всё еще стояли покосившиеся мраморные памятники, но по электронным монументам, экранам с фильмами о покойных, было понятно, что цифровые технологии так глубоко про-

никли в жизнь, что добрались и до смерти.

Михаил, наконец, пришел к месту, указанному в чеке. Вот она.

Датчик в памятнике среагировал на движение вблизи, и над могилой всплыла реалистичная голограмма. Зазвучал хрипящий динамик.

– Привет. Я Юлия Герус, – Михаил рухнул на скамью. – К сожалению, меня больше нет с вами. Но моя улыбка останется на Земле на-всег-да.

И проекция застыла, как посмертная маска красивой и слегка грустной девушки, чей смех победил законы биологии.

Теперь он был один среди миллионов. Миллионов невиденных им улыбок, миллионов озорных радужных зайчиков, отразившихся не в его глазах, миллионов раз, когда она не дождалась понимания, потому что выговаривалась не тому.

– Прости меня, – шептал Михаил.

Тысячи рассветов ... они все равно бы не встретили их вместе, потому что проспали бы. Сотни фильмов и книг, после которых они могли бы просто молчать вдвоем, веря, что второй ощущает что-то похожее. Десятки действительно важных слов, услышанных ей от кого-то другого. И три пары детских ножек, с топотом бежавших не их будить утром каждого 1 января.

И это он виноват.

Михаил закрыл рот рукой, чтобы не дать себе разрыдаться.

ся. Слезы постепенно заволокли взгляд, поставив еще одну стену между ними. Жадные вдохи в секунды, когда беспомощный глухой рев в ладонь останавливался. Неловкое смахивание влаги с глаз, так, чтобы подумали, что это от ветра.

Музыка. До него долетели волны мелодии, которую играл духовой оркестр, видимо, во время похоронной процессии в другом конце кладбища. Михаил вроде бы знал эту песню, но слова всё не приходили на ум.

Датчики стоявшей в паре сотен метров с измененным цветом платья и волос Джэй считывали слезы на глазах героя войны. Она впервые столкнулась с этим комком ее эмоций, смешавшим жалость, желание обнять и ревность к неизвестной ей ранее и несуществующей более сопернице. Нелепость этого сложного чувства была очевидной, но это никак не помогало заглушить активность нейронов, требовавших пойти и разобраться с предателем.

«Ты моей никогда не будешь». Он вспомнил строчки из песни – как это часто бывает, лирика приходит последней. «Наяву меня не полюбишь и во сне меня не обманешь».

Михаил вытер слезы и встал со скамьи, вплотную подойдя к ограде. Датчики снова среагировали на движение.

– Привет. Я Юлия Герус, – Корнеев упал на колени, ощутив холод и влагу сентябрьской земли. – К сожалению, меня больше нет с вами.

Он протянул руку вперед к лицу той, которая «его никогда не станет».

– Но моя улыбка останется на Земле, – Михаил поднес ладонь с остатками слез к щеке голограммы и погладил ее, возможно, в последний раз. – На-всег-да.

Корнеев почувствовал покалывание на ладони от попадания в поле задрожавшей проекции. Опустил руку, наклонился, упершись лбом в ограду. Обманутый прикосновением и слезами мозг, казалось, очистился от грусти и погрузился в спокойствие.

Растворенный в этом внутреннем штиле, Михаил выдохнул, поднялся, отряхнув с коленей налипшую грязь. Вдохнул, еще раз посмотрел в ее глаза. Хотел уйти, но в итоге еще долго стоял и просто смотрел, как будто стараясь выжечь облик на эмоциональных отделах своего мозга.

Проекция погасла. Перед Корнеевым больше ничего не было, кроме его неопределенного будущего. Он медленно побрел к выходу.

Марсианин/24.09.2095

«Нейроадаптер в животе, а в чипе, встроенном в мозг, включена программа для виртуализации. Всё готово. Поехали!

Нажимаю на внутреннем экране кнопки, система извлекает из нейросетей живота огромный файл, который загружает в моем гараже изображение еще одной комнаты. Обычные стены исчезают для взора, а вместо них всплывают нарисованные, превращающие помещение в пространство для хаотичного движения неоновых красных, синих и фиолетовых линий на темном фоне.

Геометрический танец останавливается на дальней от меня стене, когда линии замирают на долю секунды и образуют рисунок, похожий на зрачок человеческого глаза. Изображение дважды мигает. Понимаю, что это система проверки личности, и я ее прошел.

Неоновые полосы разлетаются по разным стенам, группируясь по цветам, как солдаты, прибегающие по команде, чтобы встать в строй. После чего красная армия прыгает в центр комнаты, по дороге обретает форму леопарда, встречается с фиолетовой, превратившейся в медведя. Дикие животные крутятся в жестокой схватке, пока их лоскуты смешиваются между собой. Секунды падения на пол им хватает, чтобы перестроиться в новый облик – длинной змеи, которая мед-

ленно поднимает голову и поворачивается ко мне.

Я успеваю только вздохнуть от страха, когда рептилия бросается в мою сторону и проходит сквозь голову. Медленно поворачиваюсь и вижу, как змея расплющивается о стену за мной, разделяясь на две армии, которые по естественному ландшафту комнаты возвращаются на свои боевые позиции. Это была еще какая-то проверка? В порядке ли мои нейросети? Выдержу ли я? Осознание приходит лишь через пару секунд – система выясняла, добровольно ли я пытаюсь открыть код или под дулом пистолета. Для этого и нужно такое сканирование мозга.

Теперь синие линии на стене передо мной приходят в движение, слетаясь в центр комнаты и закручиваясь в спираль, похожую на молекулу ДНК. Спираль разделяется на части, которые складываются в ветвистый шрифт, его буквы – в слова «Нейрокод готов к использованию. Запустите программу для использования кода». Передо мной всплывает окошко для командной строки. Так, значит, копирование кода не предусмотрено. И мне достаточно в реальном мире подготовить свою часть проекта, а в этой виртуальной комнате можно дописать ту, что я буду применять на мозгах людей.

– Виталя? – настойчивый стук в дверь врывается в мой киберпанковый мирок. Трехцветные линии, как напуганные насекомые растворяются в своих стенах. Выключаю программу. Сквозь тающие стены виртуализации проявляются

древесные границы моего личного пространства. Надо открыть, она уже злится».

Yours truly, 2095

Персонаж неизвестен/25.09.2095

«Промозглый осенний лес. Спотыкаюсь, но хватаюсь за ствол дерева. Влага везде. На потемневших листьях под ногами. На коре сосен, к которым теперь неприятно прикасаться. А в воздухе вода превращается в холод, втягивающийся в тебя, как в губку.

Не знаю, что это за лес. Еще хуже то, что я не знаю, куда мне идти. Никаких ориентиров, тропинок или поваленных деревьев. Как будто многократно скопированная клетка «лес» в какой-то игре.

Поднимаю голову, и внезапно глаза где-то в стороне ловят оттенок необычного для серого леса цвета. Изумрудный? Что? Кажется, это девушка в длинном платье. Кто она и что тут делает? Пытаюсь окликнуть. Она поворачивается и ищет источник звука.

Слышу ее голос, зовущий меня по имени. Бегу к ней. Ветки кустарников режут руки, но сейчас главное – изумрудный на сером. Цвет блуждает, пропадая и появляясь за лабиринтом деревьев. Но я стараюсь следовать за ней глазами.

Приближаюсь. Тянусь к изумрудному, раздвигая ветки, но он медленно тает, смешиваясь с сумраком леса. Девушки нет. Или не было?»

– Снова уезжаешь? – закутанная в простыню Джэй смотрит

рела, как он собирается.

Михаил, кажется, выбирал между объяснением и игнорированием и в итоге остановился на молчании. Еще немного тумана в атмосфере благодаря взвешенным в воздухе частицам «не» – неловкости и недоверия.

Накануне они просто прилетели домой, никак не обговорив то, что каждый видел на кладбище. Джэй знала, что она не более чем домашний бионик и не вправе претендовать даже на общение, не говоря уже о честности. Но построенная системой модель её человека плохо могла объяснить поведение Михаила, который вместо ленивых прогулок или просмотра фильмов второй день подряд срывается с места ради неизвестного прошлого или настоящего.

Второе такси прилетело не сразу, и она начала преследование, когда геозначок его брэйнета оказался за северной границей Екатеринбурга. Желтый хOVERKAP включился в плотный поток в верхнем ярусе дороги и ускорился до минимально допустимых 150 км/ч.

За городом жизнь шла в своем темпе. Осень продолжала упражнения в рисовании на кронах деревьев. Жители небольших придорожных городов суетливо встречали утренние дроны с покупками. На глади окрашенного в цвет «индиго» крупного озера недалеко от трассы покачивались яхты.

«Может, стоит во всем признаться людям? Или хотя бы Джэй? Она не поймет. Или поймет, но отправит к этим про-

мывателям нейросетей мозгов. И тогда прощай, дивный мир. Никто не поверит, что на самом деле...»

– Михаил, добрый день. Следственный отдел Лунных станций, помните меня? – звонок в брэйннет прервал его тревожные размышления.

– Эм... да.

– По поводу захваченного космолета. Есть минутка? – полицейский искин по-прежнему обозначался на экране просто тенью. – У нас к вам новые вопросы. Мы провели гипнологическую экспертизу одного из пассажиров с третьего ряда, и она показала, что тогда после драки вы произнесли фамилию «Блашиковский». В лунных архивах таких людей вообще нет. По преступникам с Земли и Марса мы еще ждем информации. Может, вы сами скажете, кто это?

– Извините, я не помню ничего. Давайте я наберу вас, как что-то удастся припомнить?

Тень на экране промолчала.

– Господин Корнеев, вы уж поприпоминайте. Добровольное признание никому еще не вредило.

– Что? – но вместо силуэта абонента перед его взглядом появились обои рабочего стола.

Михаил попросил остановить такси у какого-нибудь кафе с высоким рейтингом. Через пару минут машина сбавила скорость и завернула на невидимую глазу развязку, после чего затормозила в ста метрах над землей возле украшенного под славянскую избу кафе с вывеской «Скатерть-само-

бранка». Кажется, его ждал завтрак с чем-то жареным и сахарным. Впрочем, посетителей тут было много. Вот и сразу за его автомобилем на парковку пришвартовалась еще пара гостей. Корнеев вышел, размял затекшие ноги и зашагал к цветастой вывеске.

На входе он чуть не столкнулся с двумя мужчинами, которые внимательно на него посмотрели. Михаил привык к повышенному интересу со стороны окружающих – как героя спасательной операции на Европе его иногда приглашали участвовать в разных онлайн-проектах. Но сейчас он был совсем не в настроении общаться и делиться эмоциями.

Развеселая девушка-бионик в кокошнике, напевая частушки, приняла заказ на блины и морс, которые через пару минут принес раскрашенный «под Хохлому» дрон. Копия чека прилетела на его внутренний экран со старославянским «по нраву ли тебе питие мое». Надписи на салфетках гласили «Киберпанкъ внеже мы заслужихомъ».

Через 15 минут он продолжил свой путь со смешанным ощущением, состоявшим из удовольствия от калорийной пищи и изумления от провинциального маркетинга.

Ожидание затягивало свои ремни на его сердце. Что важного расскажет ему хозяйка и что она вообще может рассказать? Лететь еще больше получаса, и тревожные мысли не отпускали, потому он решил отвлечься. Покрутил головой, разглядывая цвета сентябрьского ландшафта. Посмотрел назад, в поток летевших за ним машин. Секундное

ощущение чего-то неправильного, которое он не мог распознать умом. Повернулся еще раз. Знакомое лицо в одном из автомобилей? Он присмотрелся. Нет. Тогда что?

Но тут машину тряхнуло. Корнеев судорожно схватился за ручку над окошком. Экран у водительского сидения загорелся красным и через мгновение вернулся в обычный зеленый. Казалось, что короткий сбой устранен, но в этот момент такси наклонилось слегка вперед и ... рухнуло вниз с воздушной трассы.

Эта секунда, когда ты не понимаешь, почему все вокруг уходит вверх, и при этом ощущаешь крепкие руки гравитации, тянущие вниз. Михаил ударился виском о стекло и инстинктивно уперся в углубление для ног, не сразу осознав, что это никак ему не поможет после свободного падения с высоты в несколько сот метров. Прямо перед ним во всей красе раскинулось красно-желто-зеленое море, в котором он вот-вот утонет. Корнеев отстегнулся и попробовал перелезть на водительское место, чтобы включить ручное управление, но тут автомобиль начал выходить из пике, окончательно выровняв свое положение только тогда, когда по дну машины зацарапали верхушки деревьев.

Выдохнул. Угрозы больше нет, но машина все еще летела непривычно неровно. Он все же попытался пересесть на кресло водителя, когда лес сменился какой-то промышленной зоной. Но автопилот не реагировал на команды Михаила, такси остановилось и начало опускаться над длинной се-

ро-коричневой крышей. Резко зависло в полуметре над поверхностью и... обрушилось вниз.

Михаил по инерции нагнулся вперед и сильно ударился носом о переднюю панель. Посмотрел в окно. К нему приближался коренастый мужчина в светлой куртке. Кажется, этот тот самый, которого он встретил на входе в кафе. Или нет?

– Помогите, – прошептал Корнеев. Через пару секунд дверь возле него была вырвана с железным мясом, а сам он вытащен на холод.

– Ты как? Идти можешь? – услышал он слова. Кивнул. Перед ним стояла еще одна машина, на заднее сидение которой он с трудом уселся. Силач залез следом.

– Что с ним? – произнес еще один голос с водительского места.

– Похоже на сотрясение, – ответил вытащивший Корнеева силач.

– Я же тебя просил, – хозяин голоса был явно раздражен. – Осторожнее вести его тачку.

Коренастый прилепил на руку Михаилу какой-то пластырь.

– А сейчас ты поспишь, – успел Корнеев услышать перед погружением на глубину. – И тебе не понравится то, что будет дальше.

Джэй в дороге слушала трансляцию местной проповедни-

цы, которая придумала религию для биоников, обещая им просветление и что-то рассказывала о колесах сансары, о том, что вера создана для людей, но они так и не смогли дойти до нее...

– Геометка находится в стороне от трассы. Дальнейшее движение невозможно. Выберите новое направление, – голос компьютера автопилота холодным тоном говорил страшные вещи. Куда Михаил мог сойти из такси в глухом лесу? Решение нужно было принимать моментально.

– Я хочу взять управление на себя.

– Ваш рейтинг это позволяет, но вы должны подтвердить, что эта ситуация относится к чрезвычайным и вам либо вашему человеку угрожает опасность для жизни или причинения вреда здоровью. Также вы должны согласиться с повышенным тарифом для оплаты страховки на период ручного режима. Кроме того, ...

– Я все подтверждаю, – Джэй перепрыгнула в кресло пилота и нажала «да» на экране, не дослушав до конца. На экране появились цифры... 3...2...1.

– Такси перешло в ручное управление, приятного полета, – протянул голос. Джэй активировала приложение для управления автомобилем, тот нырнул, дважды повернулся по спирали и с ревом помчался над шорохом листвы. Она взглянула на экран: геометка быстро замигала и погасла.

Люди любят это ощущение все растущей скорости, как будто кто-то поднимает индикатор громкости и жизнь кажет-

ся все более реальной. Но Джэй заблокировала отвлекавший ее эмоциональный блок, так что она пропустила всё, что человек испытал бы от 240 км/ч на высоте 500 метров над землей.

Зато быстро добралась до места, где в последний раз появлялась геометка, и обнаружила сразу два автомобиля: один разбитый на крыше склада без людей внутри по данным тепловизора и еще один удаляющийся на северо-запад с тремя особями на борту. На земле никого не было, так что Джэй сделала круг и отправилась в погоню.

Она снова заставила хOVERKAP рычать, утопив педаль газа в пол. Пролетела верхушки деревьев и решила подняться еще выше, чтобы остаться незамеченной. Дальше все зависело от скорости. Регулятор драйва жизни по-прежнему молчал, но он был последним из того, что ей могло понадобиться.

Леса сменялись небольшими озерами, прогалинами и рядами домов. Машина, в которой мог ехать Михаил, поначалу едва угадывалась где-то у горизонта. Пролетая над городом, в котором все здания были построены слегка наклоненными к земле в честь местного символа, падающей башни, Джэй заметила, что была уже в паре сотен метров от цели. Наконец над большим прудом ее такси поравнялось с беглецами. Она взглянула на горевший в небе шар, сбросила скорость и пошла на снижение.

Монах

/

25.09.2095

«— Томас, а ю реди? — мы сидим в центре главного зала монастыря в окружении братьев. Нейрочипы в наших головах включены. — Переведи ему еще раз.

Монах справа от меня начинает превращать русский аппэ интэмидиэйт в английский б класса средней школы. Но, кажется, я это всё уже знаю. У нас будет совместная медитация, в ходе которой настоятельница покажет мне меня самого ниже уровня моря сознания. Для меня как новичка будет создана визуализация, так что я смогу ее видеть, но как именно она будет выглядеть, определит мое нижнее сознание... а, видимо, подсознание. Неизвестно, сможем ли мы общаться там — у всех все по-разному. Ничему не удивляться, все безопасно. Ок, можно я в другой раз? Нет? Ноу, айм нот рэди.

Кто-то что-то нажимает, и я закрываю глаза в легком волнении, а открываю в ночном городе, где стою под блеклым фонарем. Кажется, идет дождь, но вместо отзвуков капель слышу только стук собственных мыслей.

Ощущение влажности вокруг обманчиво. Нет, дождь не идет. Некоторые капли воды наоборот поднимаются вверх, а некоторые — висят в воздухе, как частицы взвеси. Поднимаю руку, касаюсь одной из них, и тут внутри меня проносится это чувство страха, прикрываемое неловким «Ноу, айм нот рэди». Трогаю еще одну застывшую каплю и слышу, как в голове проносится недавнее сравнение уверенного русского

с upper intermediate.

Я в дожде собственных мыслей.

Поворачиваюсь и иду сквозь эту влагу, включая в мозгу мысли и образы, которые вспыхивают, как неоновые вывески в темноте. Смотрю в глубину ночи, туда, где еще несколько фонарей озаряют незабытые и невысохшие капли. Рядом со мной поднимается вверх благодарная грусть о прошедшем.

Радость узнавания самого себя в своих мыслях прерывается движением – из глубины мрака выходит силуэт, как персонаж комбинированных съемок, бредущий на фоне застывшего экрана. Но если приглядеться, можно увидеть, что внутри его контура ничего нет, отчего кажется, что частицы моего сознания самопроизвольно раздвигаются, как полы мантии.

Беззвучная пустота выплывает передо мной. Появляется яркая капля, прикосновение к которой отдается расходящимися кругами слов внутри.

– Томас, мы здесь не для игры в капельки. Нужно сделать из них настоящий дождь».

Джэй в машине спустилась с небес слева от траектории движения преследуемого автомобиля, но в нескольких метрах позади. Ей понадобилась еще пара секунд, чтобы отыграть целый корпус, и этого хватило захватчикам, чтобы среагировать и резко ускориться. Но она успела увидеть то, что хотела – на заднем сидении сидел окровавленный Михаил с

закрытыми глазами.

Джэй тоже прибавила газу и позвонила в полицию.

– Веду преследование неизвестных, похитивших моего человека. Передаю координаты, – и в этот момент она увидела, что похититель резко направил машину влево и толкнул ее такси в сторону. Джэй потеряла управление, ховер завалился набок и начал пикировать вниз.

Вблизи был крупный город, у которого, видимо, была утвержденная цветовая политика, потому что вместо ставших привычными осенних красок Джэй увидела перед собой сотни метров аккуратных рядов неорастений переливающегося светло-желтого, как раскаленная сталь, цвета. Всё это великолепие оттеняла длинная серая труба, тянувшаяся на километры по земле. Джэй едва успела вытянуть руль и избежать столкновения с законами физики.

Идея «если ударить по их машине, то Михаил может очнуться и за счет военной подготовки вырубит двух захватчиков» возглавила рейтинг вариантов в ее голове, так что ховер Джэй взмыл вверх в попытке достучаться до человека в машине на небесах.

Впрочем, опасная толкотня наверху уже привлекла повышенное внимание – рядом с автомобилем похитителей теперь летели два бело-синих полицейских дрона, динамики которых вопили, требуя заглушить двигатель и угрожая принудительной остановкой воздушного транспортного средства.

Но ответом им стал рев мотора резко ускорившегося хове-ра, ушедшего куда-то к земле. Оба копа последовали его примеру, через секунду оказавшись между старыми домами на уровне первых этажей небольшой улочки в пригороде. Полицейские нагоняли беглецов, которые лавировали между рекламными беспилотниками с цветастыми экранами, и пытались сбросить преследователей, вырисовывая фигуры высшего автопилотажа.

Опоздавшая на эту вечеринку Джэй наблюдала за погодой с высоты полета магазинных дронов, стараясь никого не сбить и не потерять плутающую цель из виду. Невдалеке показалась промышленная зона, где захватчики могли укрыться. Она облетела очередного трудягу, несущего какую-то коробку, и полетела геройствовать.

За бандитами тем временем мчались уже не два, а восемь полицейских дронов, и ни один из них не угодил в стену после сумасшедших маневров нарушителей, которым, тем не менее, удавалось уворачиваться от выстрелов блок-лучей и продолжать движение, несмотря на несколько столкновений с беспилотным рекламным мусором, заполонившим улицы города.

Ховеркар вылетел на территорию какого-то завода и неожиданно замер. Его окружили копы, освещая мощными лучами лицо водителя, поднявшего вверх руки, и двух пассажиров, которые, казалось, получили травмы от безумной езды.

– Полиция Нижнего Тагила. Выключите зажигание. Держите руки на виду, – проговорил динамик, и в этот момент пассажир на заднем сидении, как будто очнувшись, повернулся к копам, улыбнулся, и тут вся ближайшая электроника, прожженная волной «глушилки», погасла.

Девять небесных созданий начали падать вниз. Восемь из них громко разбились, красочно разбросав по площадке перед цехом пластиковые и металлические внутренности. Только хOVER смог изменить направление движения по оси ординат, потому что его водитель быстрыми движениями успел переключить систему в ручной режим, выкрикивая ругательства про цифровой мир.

Автомобиль поднялся резко вверх над постройками завода, и в этот момент в днище влетело такси Джэй, нашедшей наконец среди построек завода машину с тем, кого считала своим женихом. От удара оба хOVERа потеряли управление и рухнули на крышу цеха, проделав в ней широкую дыру; спикировали внутрь, задев несколько перегородок, отчего падение перестало быть свободным, а приземление случилось не таким жестким.

В цехе металлургического завода огромный 3d-принтер распечатывал что-то похожее на вагон – его левый бок уже балансировал на антигравитационных подпорках, сияя остывающим огнем. В конце зала в картридж из печи заливался раскаленный металл, из которого прямоугольная фотопластина создавала геометрическую вязь, охлаждавшуюся мо-

розильными панелями. Еще один такой же, но уже готовый вагон парил в сторону широких ворот в конце зала.

Водитель вылез из автомобиля и бросился к хOVERу Джэй. Второй бандит вытащил Михаила и теперь пытался привести его в хоть какое-то чувство.

– Тупая кукла! – услышала Джэй, выходя из разбитой машины. – Ты хоть понимаешь, что наделала?

– Вы украли моего человека! – она выбрала «угрожающий» тон, обходя бандита. Тот попытался зацепить Джэй за руку, но активированный боевой режим включил прием, разорвавший захват и отправивший мужчину на пол.

Она повернулась, чтобы разобраться со вторым, но тут увидела перед собой дуло пистолета в руке невысокого бандита, державшего в другой руке синий пластырь над запястьем очнувшегося Михаила.

– Так, красавица, – он говорил медленно и как будто лениво. – Это пистолет. Это яд. Давай ты там в своем калькуляторе постарайся решить уравнение с двумя новыми параметрами. Хотя нет. Я назову тебе ответ. Твое дзюдо равно его смерти. Поэтому выключи боевой мод и послушай.

Джэй подчинилась. Он убрал пластырь.

– Мы вам не враги. Но твой друг кое-что знает, и нам нужно достать из него эти знания.

– Вы будете его пытаться?

– Вряд ли. Скорее всего, он сам всё расскажет, нам или вирусной программе в мозге. Да, любитель блинчиков? В наши

дни электронные черви в башке эффективнее змей в кишке. С другой стороны... – он посмотрел на раскаленный металл в конце зала.

– Вы не имеете права... – впервые с утра Джэй услышала Михаила.

– Не надо тут про мои права, мне про них расскажут копы. Кстати, о копах...

В этот момент в дыру в крыше в цех влетела пара десятков полицейских ботов, с фонарями и динамиками, изрыгающими угрозы и требования. Кроме того, Джэй заметила, что со стороны печи в цех вошли несколько вооруженных биоников, вероятно, из службы безопасности завода.

– Что у нас с глушилкой?

– Братан, она сломалась при падении, – державший Михаила на прицеле кивнул в сторону бионихи. – Спасибо вот этой леди.

– Тогда придется отстреливаться, – второй повернулся к Джэй, приставил пистолет к ее виску и громко закричал в сторону дронов. – Прекратите преследование, у нас заложники. Дайте нам уйти, и мы оставим им их скучные жизни.

Они начали пятиться назад, пока дроны перегруппировывались, чтобы обойти захватчиков с двух сторон. Заводские бионики достали оружие, анализаторы Джэй сообщили, что прицелы захватили цели за ее спиной. Полицейский динамик хрипящим голосом потребовал отпустить заложников, и в эту секунду со стенда слетел свежее испеченный вагон и

начал движение в сторону окруженных террористов.

Еще недавно стоявшие посреди пустого пространства, они внезапно получили естественное укрытие от пуль, а возможно, и путь к спасению, если вагон сможет вылететь из этого цеха. Похожий на капсулу для туннелей, транспорт проехал несколько метров и повернулся к ним боком, растолкав упавшие машины и направившись к воротам цеха готовой продукции. Пара ударов, и двери открылись, запустив бандитов и заложников внутрь.

– И что? Мы вылетим в другой цех, и нас там найдут.

– Надо посмотреть, может ли эта штука сама передвигаться, – бандиты продолжали нервно переговариваться.

Заводские андроиды имели доступ к системе «умного цеха», так что вагон плавно остановился. Джэй посмотрела на Михаила. В этой суете тот уже пару раз мог вырубить одного из захватчиков и захватить оружие или убежать. Но он только покорно выполнял все требования террористов, запуганно глядя вокруг. Вот и сейчас бывший военный только отвел глаза в ответ на ее немые, но нериторические вопросы.

– Выйдите из капсулы и отпустите заложников, иначе мы применим огонь на поражение.

Двадцать орудий, направленных с воздуха на жестяную горячую банку и еще семь-восемь с земли, оттуда, где строится новый вагон. Три красные фигуры на тепловизорах и одна синяя. Суетливые попытки завести капсулу без топлива и подключенной электроники. Молчаливые взгляды под ду-

лами пистолетов и раздраженные переругивания. Дрожь боковых панелей вагона, которые должны показывать пассажирам красивые картинки, но пока только ритмично отзываются на тяжелые шаги приближающихся андроидов. Секунда тишины, пока время не побежало.

– Отвлеки их.

– Как?

– Я не знаю, фокусы покажи. Пусть всё будет не тем, чем кажется. И будь готов валить в любую секунду.

Один из захватчиков вышел из капсулы и с поднятыми руками двинулся к ее кабине.

– Мы сдаемся, – эхом отозвался его голос.

– Освободите заложников, – услышала Джэй механизированную речь.

Бандит вернулся в вагон, схватил ее за волосы и потащил за собой. Взглянув на Михаила, она снова встретилась с выражением лица человека, психика которого решила взболтать, но не смешивать страх с отстраненностью.

Террорист приставил к ее виску пистолет.

– Отпустите нас, и забирайте этих, – громко крикнул он, и в эту секунду из кабины раздался возглас радости.

Лежавший в пяти метрах от них хOVER внезапно поднялся над землей и тут же набрал скорость, врезавшись в дальнюю стену, на которой был укреплен картридж 3d-принтера. Раздался грохот. Копы включили задние камеры, а эсбэшники повернулись назад и тут же были смыты волной расплавлен-

ной стали, быстро наполнявшей площадку, где строился вагон.

Марсианин/25.09.2095

«Рисую. Снова рисую Его.

Хочется обсудить это всё, да так, чтобы собеседник не смотрел на тебя, как на иностранца. Чтобы не чувствовать это «говори-быстрее-да-я-пойду» в глазах. Достижение «болезненное одиночество» в этой вашей игре разблокировано, опыта полно, радости не наблюдаю.

Дорисовываю уши.

– Привет. Я долго думал над тем, правильно ли будет использовать Код на людях. Они ведь хоть и зараженные вирусами тщеславия и жадности мыслящие животные, но имею ли я право на это насилие? На получение корневого доступа к их мозгам.

Нос. Сейчас услышу раздраженное сопение.

– И я не знаю, как распространять свой вирус. Это детали конечно, но я же не могу выпустить приложение, которое поменяет людям мозги, и надеяться, что меня не забанят в первый же момент. В твоё время было проще.

Губы. Тяжелый вздох слетает с них. Что меня ждет, поток ругани или унижающее молчание?

– Ты обречен вечно зябнуть в моей тени, изредка выглядывая и думая, как хорошо было бы выйти на свет, – все-таки поток ругани. – Обречен страдать от собственного ничтожества, от понимания, что ты самозванец в царских па-

латах. Придумываешь оправдания, чтобы продолжать жизнь фермера, предаешь каждую клетку своего тела, способного на ежедневное пробивание стен вместо оклеивания их обоями. Ты останешься ничтожеством, недостойным жить внутри этой головы.

Презрение в его глазах. Отворачиваюсь, не могу в них смотреть. Нет ничего хуже, чем глаза, которые видят дыру в твоей душе».

Cherish

Я/25.09.2095

«Не понимаю. Не знаю. Не помню. Хочу закрыть глаза и не видеть этого всего. Темнеет. Сейчас открою, и всё закончится. Боль. Свет. Он стоит передо мной.

– Ты думаешь, что в итоге всё окажется нереальным? Одной из тех дешевых историй, где в конце все поняли, что это была галлюцинация? Сон во сне? Книга в книге? Реалистичное кино? Или, – он скривился. – Виртуальная реальность, где нужно искать всякие волшебные приблуды? Вообще да, немного похоже на шутер, но никакого большого босса нет. Ты не проснешься на последней странице. Будешь хлебать этой тошнотворной правды жизни, пока тебя не разорвет изнутри. А сейчас извини, у нас тут копы и местные громилы».

Выстрел, другой, третий. Стрельба в ответ. Бандит толкнул Джэй обратно в укрытие.

– Минус восемь!

Второй преступник выбежал из капсулы с пистолетом наготове.

– Надо выбираться отсюда.

– Сдавайтесь, иначе вас расплавит потоком раскаленного металла, – гроыхали полицейские динамики.

– Я попробую открыть дверь в другой зал, прикрой меня!

– Я не смогу 17 дронов уложить, дай Корнееву пушку.

Невысокий схватил Джэй и зашел внутрь вагона.

– Так, слушай меня, герой-любовник, иначе через 10 минут нас сожжет поток расплавленной стали. Я хочу вскрыть ворота в другой цех и увести нас отсюда. Но ты должен помочь – надо отстреливаться от копов, – его встретил уже знакомый Джэй взгляд со дна колодца сознания. – Возьми пушку и прикрой меня... Иначе ты и твоя девушка сдохнете тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.